

БАТАЛЬОН КРОВИ

16+

ВИТАЛИЙ ЛИХОДЕЕВ

ВАРШАВА

Виталий Лиходед

Батальон крови

«Автор»

2004

Лиходед В.

Батальон крови / В. Лиходед — «Автор», 2004

Книга о Великой Отечественной Войне. О том, как героически был взят город-крепость Кенигсберг. Главный герой - Григорий после учебки попадает в самое пекло. Одно сражение сменяется другим. Григорий, проявляя характер, с боями, в составе разведбатальона идет к победе. Он познает тайны и законы войны. Старается победить страх и воспитать в себе смелость. Он пытается понять войну, как некое существо, которому подвластны законы мира.

© Лиходед В., 2004

© Автор, 2004

Виталий Лиходед

Батальон крови

Посвящается моему отцу Лиходеду Григорию Павловичу – участнику взятия города-крепости Кёнигсберг и всем, кто жил и воевал в то нелёгкое время.

1. Первый бой

– Ну что, родной, будешь? – спросил Гришу сержант Фролов.

– А что это?

– Да водочка, сынок, водочка.

– Да, конечно.

– Не давай ему, не бери грех на душу. Завтра пацан ляжет в землю из-за пьяной дури. Дай ему привыкнуть и к нам, и к пулям. Будет спьяну, как собачонка, метаться – обязательно нарвется, – вступил в разговор старшина Савчук.

– Да ладно, ты. До завтра выветриться, – смеясь, возразил Фролов.

– Нет. Сам-то давно героем стал? Себя вспомни, как все кусты под Могилевым обхезал. Теперь-то ты смелый. Забыл, как тебя чумного Тамбовский Витя за шкирку из воронки вытаскивал. Первый бой самый трудный: выжил – считай, что в избранные к Богу попал.

– Ну ладно, ладно. Все. Иди, Гриша, в землянку – лучше поспи. По молодости оно всегда спать хочется. А мы тут сами. «Партсобрание» проведем.

– Да вы чо, мужики? – возмутился Григорий. – Я чо, не разу не пил, по-вашему?

– Иди, не бузи, успеешь еще, – грозно произнес старшина.

Гриша шмыгнул носом, с обидой посмотрел на старшину и, отвернувшись, пошел по окопу. Протиснулся сквозь узкий проход и оказался в темной землянке. Со всех сторон воняло потом и протухшими портянками, но его этот запах не испугал, он слышал запахи и попротивней. Увидев свободное место, Григорий положил свой ППШ, снял шинель и, удобно устроившись на грубо обтесанных досках, укрылся ею – и сразу уснул.

В два часа ночи его разбудил мощный взрыв. Где-то рядом разорвался огромный снаряд, но затем наступила тишина. Странная глухая тишина, о которой он много раз слышал. Преподаватели из Ташкентской школы связи часто рассказывали об этом странном явлении, тишине перед боем, но никто не говорил, как она умеет забираться в душу. Вместе с ней лезут страшные мысли, что это последняя ночь и что завтра все – жизнь кончится.

И раньше Гриша чувствовал войну, но она была где-то там – в другом мире... Жизнь Григория началась в Казахстане, в Тургайской степи, в селе Совинковка, недалеко от города Павлодара. Когда ему исполнилось восемнадцать, шел 1944-й год: третий год Великой Отечественной войны. Он рос и видел, как страна все отдает фронту. Родители голодали, он тоже. Мать надеялась, что в Павлодарском интернате, куда его отправили жить и учиться, Грише будет лучше, но жизнь в городе оказалась намного труднее, чем в деревне. В деревне можно было хоть что-то найти: поохотиться в степи, порыбачить на реке Ишим, а в городе нет – дневная пайка и все... В 1944-ом Красная армия уже вышла за границы СССР и вела бои на земле Германии. Для немцев это был последний шанс что-то изменить на карте военных действий: они хотели остановить победоносное наступление противника, но все их попытки были тщетны. Красная армия давила и сметала на все на своем пути. Тогда-то и начал Григорий Павлович Михайлов военную службу. Первая отметка в «Солдатской книжке» датируется первым января. Призвали его за полтора месяца до восемнадцатилетия, а затем сразу отправили учиться в Ташкентскую школу радистов. По окончании ее Григорий был откомандирован на Третий Белорусский фронт... В расположении части он оказался среди таких же, как и он, новичков и тех, кто шел от самого Сталинграда. Старики приняли его тепло, а молодежь не обратила внимания. Известие о том, что на рассвете их батальон участвует в наступлении,

немного смутила молодого солдата. Он был еще не обстрелян и не готов вот так сразу идти в бой. Но те, кто оказался рядом, помогли: они, привыкшие к свисту пуль и разрывам бомб, решили прикрыть парнишку, чтобы Гриша по неопытности не погиб в первом бою...

Впереди стоял Кенигсберг: город с мощной оборонительной системой. В этот район стягивались все отброшенные части врага. Система обороны города состояла из трех рубежей и крепости. Первый находился на расстоянии 20-ти километров от центра города, второй – в 6-8 километрах, а третий был расположен на городской окраине. Все эти укрепления были хорошо подготовлены. Кроме минных полей, траншей и баррикад использовались специально построенные и усиленные каменные сооружения и старые форты. А в центре Кенигсберга находилась укрепленная крепость, способная выдержать продолжительную осаду. Армия врага насчитывала 130 тысяч человек, включая 4 тысячи орудий и минометов, 108 танков и штурмовых орудий, 170 самолетов. Со стороны СССР в Кенигсбергской операции участвовали 11-я гвардейская, 39-я, 43-я и 50-я армии, а так же 1-я и 3-я воздушные армии 3-го Белорусского фронта. При штурме города-крепости было задействовано 5,2 тысячи орудий и минометов, 538 танков и САУ, 2,4 тысячи самолетов. Конечно, перевес был, но стоило учесть, что Кенигсберг считался неприступным...

Осенью, когда Григорий попал на фронт, до города оставалось около пятидесяти километров – и это расстояние пришлось в буквальном смысле ползти. Фашисты пытались что-то изменить в этой войне, но все они понимали, что это последние дни Третьего рейха...

Теперь война была здесь, и он находился в ее кровавом теле. Что он успел увидеть? Ничего, вся его юность представлялась ему одним коротким днем, где был лишь голод да старая рваная одежда. Среднего роста худенький паренек, совсем недавно побритый наголо, вспоминал себя вчерашнего, разглядывая, словно со стороны. Ну и что, что шинель была на три размера больше, это не путало его. Зато с сапогами повезло – угадал размер, и шапка как раз. Его обрядили в новую форму и главное – выдали автомат. «Все, вот она – жизнь! Стал человеком, но неужели вот так завтра все кончится, – думал он. – Первый бой, сколько народу в нем погибнет. Такого не бывает, чтобы все остались живы. Сейчас эти солдаты, лежат рядом, спят, не думают, что завтра умрут. Они храпят, подпевая друг другу, а я не могу. Эта тишина давит, раздирает душу. Выйти, что ли, и заорать: «Я не хочу умирать!» Может, кто услышит: Война, Бог, Смерть и договорятся дать мне хотя бы день, а еще лучше – месяц. А вдруг повезет, и я выживу. Ведь возвращается же кто-то с войны? Наверное, тот, у кого опыта больше. Но нет, все здесь равны, и смерть не смотрит, кто и сколько отвоевал – главное не подставиться, быть бдительным. Как говорил майор-учитель Федорчук: «Башка должна крутиться, как карусель». Я все помню: главное слушать. Война она тоже говорить умеет: свистом пуль, грохотом выстрелов и стонами раненых. Если внутри что-то сжимается, значит, этот свист твой. Падай, прячься и не стесняйся трусости. Так говорили те, кто прошел через все это. Они знают голос войны и умеют его слушать, но всегда есть что-то, что ждет именно тебя: шальная пуля или прилетевший непонятно откуда снаряд. Война она как ведьма – колдует свое. Угадай, что она для тебя приготовила: ранение, смерть или позор. Но последнее не считается, пока хотя бы месяц не отвоевал. Мне рассказывали, бывает и по-другому: те, кто давно воюют, иногда сходят с ума и сами под пули лезут, желая умереть. Они не могут больше жить в этом поднявшемся на землю аду. Смерть для них – спасение и избавление. Но я хочу жить! Девчонку встретить и полюбить по-настоящему. Это мои мечты. Все, наверное, так мечтают, но старуха смерть может улыбнуться и забрать к себе. И мечты этих ребят останутся где-то там – в их умерших сознаниях. Нет, нужно спать. Бояться нельзя! Это еще одно, чему меня учили: испугался – погиб. Спрячешься в окопе, подумаешь, что тебя там не достанут пули, так обязательно снаряд прилетит – «пирог», как их майор-учитель называл. По закону подлости. Этот закон на войне четко работает. А «пирожки» война дарит тем, кто не желает участвовать в ее представлении, предает ее. И она сразу присылает им угощение за пазуху, вычеркивая из списка присутству-

ющих. Да, самое страшное – предать войну. Пришел сюда, значит, воюй. Понравишься этой суке-войне, она тебя сама для следующего боя прибережет. Вот и понимай, как хочешь: спрятался – плохо, вперед побежал – нарвался. Воевать тоже уметь надо. Все говорили: неделю продержись, а дальше легче будет. Только потом, когда привыкнешь, расслабляться нельзя: начнешь ушами хлопать – считай, пропал».

Григорий повернулся на бок и стал считать, пытаясь заснуть, но сон не приходил; он вспомнил дом, мать, избу, обмазанную глиной, и подумал: «Голодают они. Плохо им. Нет, я не должен умереть. Если ты, Война, меня слышишь – знай, я готов! Но если смерть вот так сразу заберет меня, значит, в этом мире нет никакой справедливости. Я даже не успел показаться матери, проститься с ней. Так хочется им помочь, но я здесь, а они там, в этой бесконечной степи. Вот если бы отец решил на сайгака сходить, но нет, он честный, хотя и не коммунист».

Григорий закрыл глаза, пытаясь не думать о своей жизни, но мысли сами крутились в его голове. Он снова стал вспоминать себя, как он несколько часов назад приехал в часть на полуторке. Вокруг краснели клены, тополя – наступили самые красивые недели осени. Воздух – сама свежесть, им хотелось дышать и дышать. Здесь, у Кенигсберга, было гораздо теплее, чем в России. Там уже начались заморозки.

Постепенно вернулась дрема, Гриша закрыл глаза и, сжавшись калачиком под новенькой шинелью, стал засыпать. Разбудил всех старшина:

– Подъем! – закричал он.

Все тут же вскочили и стали накручивать портянки и натягивать сапоги.

– Не торопитесь, хорошо портянки мотайте! Скоро в бой пойдем! – продолжал кричать старшина.

Григорий встал. Он не снимал сапоги, побоялся, что их украдут. «Жалко если вот так просплю их! А они новенькие, и в пору пришлись», – думал он.

Старшина вышел из землянки, отошел туда, где окоп был шире, и снова крикнул: «Строиться!». Григорий, как и все, встал в строй. Хоть в этом месте окоп был широкий, но прижавшиеся друг к другу солдаты долго не могли выровнять шеренгу. Увидев это, старшина Савчук приказал покинуть окоп и построиться у ближайшего разрушенного сарая. Солдаты, быстро выбравшись, побежали к нему. Через несколько минут батальон стоял по стойке смирно. Савчук не очень любил эту процедуру: кого-то строить, над кем-то командовать, но все это приходилось делать. Его друг, командир батальона капитан Киселев, прошел с ним по дорогам войны не один километр и знал, что он не любит командовать, поэтому просто закрывал глаза на его панибратские отношения с бойцами. Но лучшего старшины, за годы войны он не встречал.

Савчук был высоким и худым человеком. Его нижняя челюсть неприятно торчала вперед, а небольшие усики были редкими и рыжими. Выглядел он лет на сорок, но на самом деле ему было тридцать четыре. Старшина знал о своих неудачных усах, но не сбивал их. Без них его лицо будто вытягивалось и становилось еще ужаснее и чуднее. Но всю его неприглядную внешность исправляли глаза. Они были теплыми и добрыми, и даже когда старшина кричал, все бойцы видели эту доброту и не очень-то обижались на него. Его длинная шинель в подоле словно парусами расходилась на ветру. Он делал огромные шаги, даже когда не торопился. «Ну метр раскладной – и все тут!», – подшучивали друзья-однополчане. Иногда он сутулился, но, когда не стреляли, старшина расслаблялся и вытягивался, превращаясь в длинный шест. Одни смеялись над ним, другие просто дразнили. Савчук был спокоен и не реагировал на глупые слова и оскорбления. Все бойцы рано или поздно обращались к нему: кому одежду сменить, кому обувь, а некоторые знали, что у старшины всегда есть спирт в заачке.

Построив роту, он доложил Киселеву, и тот, скомандовав «вольно», громко произнес:

– Так ребята. Вон впереди высота, – капитан показал на виднеющийся окутанный со всех сторон колючей проволокой холм. – Нужно взять. Вперед не лезьте. Похоже, там «тройка» стоит.

– Тройка? – удивившись, переспросил старшина.
– Да, – спокойно ответил капитан.
– Это плохо!
– Конечно, плохо, но нужно пройти, – сморщив лоб, произнес комбат.
– Нужно, значит возьмем.
– Вот и ладно.
– Во сколько наступление? – поинтересовался Савчук.
– В двадцать ноль, ноль.
– По темноте-то легче, – обрадовался старшина.
– Конечно, но ты все равно объясни ребятам. Подумайте, как поудобней подойти. А я в штаб. Буду к восемнадцати.

Капитан козырнул строю и ушел, а старшина, скомандовав «разойдись», стал говорить. Он посмотрел на Григория и начал с него: «Ну что, боец, бери катушку и жди. Сиди на телефоне. Сегодня с нами в драку не полезешь. Будь при штабе, а если линию перебьют, то только с дедом ползи. Петрович, слышишь, присмотри за мальчишкой». Григорию не понравилось, что с ним разговаривали как с маленьким. Он хотел уважения и пытался доказать, что он смелый и сильный, но здесь, в этой роте, «фишку», как говорится, пробивать не надо было. Все знали, что в этом пекле быть гадом нельзя. Никто не показывал свои плохие качества и каждый старался быть мирным и дружным.

Позже Гриша узнал, что три месяца назад пригнали в батальон пополнение. Вместе со всеми привезли здорового детину лет тридцати. Этот мужик стал издеваться над молодежью, избивать, забирать пайки. Все молчали – до первого боя. А когда батальон пошел в атаку, этот молодец вылез из окопа последним и, спрятавшись за общей бегущей толпой, так это нехотя побежал за ними. Тетка Война сама разобралась с ним. Шальная пуля нашла его – последнего. Он упал и долго орал, истекая кровью, но никто не подбежал к нему, не вернулся. У этого мерзавца не было в батальоне друга, который смог бы оттащить его, раненого, или позвать на помощь санитаря. Батальон ушел в атаку, а он остался, мучаясь от боли: видать, ранение было тяжелым. Этот человек принял смерть, так и не успев ни разу выстрелить. Кто-то после этого вздохнул спокойно, а кто-то поверил в то, что комбат умеет предвидеть. Он предупреждал вновь прибывшего, утихомиривал его. Но здоровый дебил хамил и ему. Здесь так нельзя: забрал пайку у молодого, а тот через час погиб. У нормального человека после этого кусок в горло не полезет. Но этот урод на все плевал и получил свою «пулю смелости», как ее тут называли. Конечно, комбат мог высказать бойцам за то, что никто не помог ему, но он промолчал. Все поняли: хочешь выжить – слушай того, кто думает о каждом. Война прислушивается к командирам, к тем, кто с ней спорит и делает это правильно, а тот, кто нарушает ее негласные законы – приговаривает сам себя. Ведь не простая пуля прилетела к этому мужику: облетела всех и ударила в него в тот самый момент, когда этот урод зачем-то обернулся! Раны в спине не обсуждались, а пулевые – тем более. Повернулся – струсил – значит, предатель. Другое дело, если снаряд сзади разорвался. Но дырка от пули и рваная рана от осколка разные вещи – их никто не спутает. На родину этому мужику отписали, что он погиб смертью храбрых. А как еще? Никто не стал бы рассказывать его родителям и родственникам, что его жизнь была бесполезной, что он не смог убить ни одного фрица, и что он – грыжа на этой земле. Словно опытный хирург сработал, избавил всех от его ненужного присутствия.

В тылу бытовало мнение, что первыми гибнут хорошие, настоящие мужики, а всякие гады и сволочи выживают. Так думали лишь те, кто не бывал на войне. Именно фронт формирует в каждом – свой военный характер, с которым очень тяжело потом жить в мирной, гражданской жизни.

После той атаки к коренастому лысоватому мужичку с животиком и с прищуренным взглядом стали прислушиваться как к отцу родному. Капитана Киселева и раньше уважали, но

после случившегося даже не решались спорить. Его слова и приказы не обсуждались. Батальон стал показательным, с хорошей дисциплиной и умением выживать.

Все это Гриша узнал от Петровича – своего наставника, которого за глаза называли «дедом». Пока он рассказывал молодому бойцу, где взять провод, катушки и запасные телефоны, старик, между прочим, поведал ему о судьбе и жизни батальона. Гриша смотрел на него, а про себя думал: как этот дедок будет бегать с ним и тянуть линии от одной позиции к другой. Он не знал, что сухой старичок очень шустрый и любому молодому фору даст.

Этот маленький дед с седыми волосами и жутким, тяжелым взглядом всегда ходил чистым и опрятным. На фронте над связистами смеялись, говорили, что они все время на пузе, в грязи. Но дед опровергал это мнение: даже небритым никогда его не увидишь.

Сначала Гриша решил, что все сложилось для него благополучно – казалось, что первый бой пройдет стороной. Он не был трусом – просто хотел привыкнуть, притереться к войне, но в шесть вечера ротный вернулся из штаба и грозно произнес:

– В штабе никто не останется, пойдут в атаку все. Закрепимся, и нужно будет доложить, – это значило, что Григорий пойдет вместе со всеми. Он не сможет отсидеться в штабной землянке, и это обрадовало его. Все побегут, будут стрелять, а он потащит катушку с проводом, и от него да от деда, будет зависеть связь. А это главное, что должно быть в любом бою.

В половине восьмого к нему подошел старшина и стал учить тому, о чем Гриша никогда не слышал и не знал. Рассказал, как правильно бежать. Идти в атаку – это целая наука, и солдаты познают ее на горьком, кровавом опыте. Как объяснил старшина, немцы, когда толпа идет по всему фронту, стреляют только прямо. И если впереди тебя трое, двигайся так, чтобы в твоём коридоре впереди кто-то был. Шансы, что выживешь, возрастают. Если что, те, первые, примут пули на себя.

Услышав все это, Гриша почувствовал, что старшина учит его трусости. Он решил, что не станет бояться и прятаться за спины: первым пойдет в бой. Но его задача была другой – связь. Савчук, увидев обиженный взгляд паренька, понял, что этому нужно объяснить принцип атаки подробнее.

Он рассказал, что первым идти тоже нужно уметь. Здесь главное не стрелять, а быстро бежать. Если сумел добежать до вражеского окопа, падай и расстреливай немцев на два-три метра от себя в стороны. На прострельной земле создается чистый проход для остальных, кто бежит следом. Гриша удивлялся, как это может быть? Неужели немцы в сторону не стреляют.

– А зачем? – спросил его старшина и сам ответил. – Зачем в сторону стрелять, когда перед тобой, по прямой, целая куча народу.

Он еще несколько минут рассказывал, как нужно бежать впереди и как правильно прятаться за чужие спины. Последнее было неприятно юному бойцу Красной армии. Но в конце разговора старшина сказал то, что успокоило Гришу.

– Такая привилегия, бежать сзади, дается только в первом бою. Потом, как в шахматах, каждый раз на клетку дальше. И если ты выжил после трех-четырех атак, твое место в первом эшелоне: там, где встречаются взгляды, желающие друг друга убить.

Но для связиста Григория существовала своя наука, как идти в атаку и тянуть провод, чтобы он оставался целым. Первый принцип: в одну воронку бомба дважды не падает, хотя это и не всегда срабатывает. Надо тянуть провод от воронки к воронке и не зевать, смотреть за остальными. Замешкался, отстал – плохо. Оказался впереди – еще хуже. Нужно лавировать в атаке так, чтобы всегда оставаться рядом с остальными – в центре движущихся людей. Они, если что, подменяют или сообщают, что связист ранен или убит. Комбат или ротный назначат другого тянуть связь.

Выслушав все это, Гриша вернулся в землянку, взял катушку и примерно рассчитал расстояние до высоты.

– Не приглядывайся. Одной катушки хватит, – крикнул ему связист-дед.

– Да, хватит. Я тоже так думаю, – ответил Григорий.

До начала атаки оставалось минут десять, не больше. Все сидели в окопе и ждали. Эти минуты тянулись, словно часы. Они были бесконечными и мучительными.

– Скорей бы уже, – подгонял время Григорий. Но оно не подчинялось ему и тянуло секунды еще медленней.

Но вот в темном небе среди звезд и яркой луны вспыхнула красная ракета.

Никто не стал кричать «ура». Все молча побежали. Противник еще не знал, что началась атака. Его прожекторы освещали прострельную территорию и пока никого не обнаружили. Но вот первые бойцы попали в эти яркие потоки света. И сразу оттуда, с этой спокойной высоты, вылетела несметная стая пуль. Они сплошной стеной прошли по наступавшим, но солдаты как-то ловко пригнулись. Григорий попытался в темноте рассмотреть, как это все они бегут и одновременно прячутся, но получил хороший удар в ухо. Звезды, что несколько минут назад висели около месяца, закружились вокруг него.

– Не высовывайся! – зарычал старшина.

Он словно из-под земли вырос и показался Григорию огромным богатырем. Юноша прижался к земле, но тут же услышал: «Пошли!». Это дед крикнул ему. Он находился в метре, а кричал как резаный. Летящий над головой шквал пуль создавал даже не свист, а вой: грубый и шипящий.

– Куда? – крикнул в ответ Гриша. – Там вон что!

– Не ссы, пацан! Это не твои пули! – с этими словами Гриша увидел спокойные глаза деда. – Сейчас фигня! Вот дальше мясокомбинат начнется.

Послушав деда, Гриша привстал и побежал за ним. Одной рукой он придерживал автомат, другой – крутящуюся со скрипом катушку. Сделав несколько шагов, он услышал «ложись», и сразу лег, прижался к какой-то мокрой кочке. Но, отодвинувшись в сторону, увидел, что это чье-то разорванное тело.

– Что? Ранили? – спросил его дед.

– Нет, это чужая кровь, – ответил парень. Он вытер измазанную щеку рукавом, при этом размазал еще свежие, прилипшие сгустки.

– Держись, сынок, – как-то бережно крикнув, попросил его старик.

– Все нормально, не волнуйтесь.

– Хорошо. Ну что, побежали? Наши вон уже где.

– Давай.

Они сорвались с места и рванулись за своей растворившейся в темноте ротой. Пробежав метров сто, Григорий почувствовал, что атака не такая и страшная, как ему описывали, но, попав на ту самую – прострельную – землю, Гриша шагнул в ад. Теперь он узнал, что такое «тройка». Из забетонированного ДЗОТа лупил крупнокалиберный пулемет. И таких пулеметов было три. Они из тумана пуль вешали в радиусе прострела такую пелену, в которой, как в мясорубке, человека за секунды разрывало на части. Причем если в кого-то попадала простая пуля, она оставалась в теле, а эта, из крупнокалиберного, попадая в плечо, отрывала руку. И летела эта рука, а за ней часть головы, а за ними вырванная грудная клетка назад, к тем, кто бежал сзади. Эти останки человека врезались в людей, а те, к удивлению Григория, не реагировали на этот кошмар. В синеватом свете прожекторов казалось, что над землей крутится огромный невидимый пропеллер. Он рубил всех и разбрасывал куски людей в стороны. Где-то в метре в грязь упала чья-то рука. Григорий посмотрел на нее и почувствовал тошноту.

– Не бойсь, поблуй! – крикнул дед. Он словно почуял состояние мальчишки. – Все через это проходят.

Гриша отвернулся, несколько раз дернулся, но рвать не стал.

– Вперед! – снова крикнул дед.

Они пробежали еще метров десять и залегли под подстриженным пулями кустом.

– Во, один заткнули! – обрадовавшись крикнул дед.

Гриша посмотрел и увидел, как из крайнего ДЗОТа повалил белый дым. Он стал переливаться в лучах света прожекторов, окутывая землю.

– Здорово, пердуняра! – неожиданно услышал голос Гриша. Он обернулся и увидел, как к деду подполз веселый светловолосый парень.

– Яшка, ты его, что ли, уделал?

– Не, это там Колек танцует. А я сейчас свет выключать буду.

Парень перезарядил снайперскую винтовку и стал стрелять по прожекторам. После первого выстрела большой прожектор потух, после второго и третьего черная ночь обволокла землю.

– Ну во, сделал как у негра в жопе, – недовольно высказался дед.

– А ты, дед, как жхни, так долетишь до высоты враз, – подшутил над ним Яшка.

– Хрен там долетишь. Ползти придется. Один бы хоть оставил, – снова заворчал дед. – Пусть светют. Нам же тоже виднее. А так куда?

– Сейчас погоди. Станет светло.

И точно, через минуту, над ними с гулом пролетело что-то яркое и осветило высоту мощным огненным взрывом, потом еще, еще и еще. Дед обернулся и, улыбаясь, произнес: «Катюша».

Минут двадцать они наблюдали, как плавится земля и бетон, а затем привстали и побежали. ДЗОТы и оборонительная линия врага превратились в перепаханное огромным плугом поле. Со стороны противника раздавались лишь одинокие выстрелы и редкие очереди.

Добравшись до проволоки, быстро перелезли через нее и стали взбираться на высоту. Дед не отставал, хотя и было видно, что он устал. Яша куда-то убежал в сторону. Он и его винтовка нужны были там, где кто-то одинокий не желал мириться с поражением.

Поднявшись до первых окопов, Гриша упал и прижался к земле. Со всех сторон снова засвистели пули, и в этом свисте он услышал крик комбата: «Связь!» Не обращая внимания на летающую и свистящую смерть, он кинулся к командиру, а когда подбежал, увидел, что комбат Киселев уже докладывает о взятии высоты. Дед оказался шустрее. Он первым подоспел к нему со своей катушкой и, подключив телефон, наладил связь.

– Ведь он всего лишь дублировал меня, – возмутился Гриша. – Сам мне об этом говорил. А может, на самом деле, было наоборот?

Гриша нахмурился, и, спрятав лицо, прижал его к рыхлой земле. Он лежал на краю окопа и почти ревел: он не успел со связью, старый пердун опередил его. Свист пуль утих, и над высотой взлетела зеленая ракета. Все! И нахлынуло остальное: паренек почувствовал, как его давит изнутри то, что он остался жив. В это просто не верилось, он вспомнил, что забыл о страхе, смерти. Его охватил какой-то неведомый азарт.

– Молодец! Молодец, пацан, – кто-то крикнул ему.

– Живой, гляди-ка! И штаны не воняют, – подшутил проходивший мимо сержант Фролов.

– А где старшина? – спросил Гриша.

– Да он там, на самой вершине, под облаками. Добывает и собирает.

– Чего собирает?

– Да наших, наших, сынок. Тех, кому не так сильно повезло, как тебе. Даже не обосрался, надо же!

– Странно, – подумал Гриша. – Я не чувствовал страха, забыл о нем, – вспомнил он свои мысли. – А меня столько учили, как с ним бороться. А может быть, так и должно происходить? – он посмотрел на свой автомат и понял, что ни разу не выстрелил, а дед, как на зло, сидел рядом и заряжал магазин. – Неужели он все патроны истратил? – подумал Гриша.

– Ты молодец, сынок! – неожиданно произнес старик. – До этого был у меня малец, так я его последние сто метров то на пинках, то за шиворот тащил. А ты молодец, сам дошел. А может, ты воевал уже?

– Нет, – стесняясь, ответил Григорий.

– Ну, тогда ладно. Пошли место на ночь искать.

Они дошли до полуразрушенной землянки и дед, увидев удобную лежанку, произнес:

– Ты ложись, а я на аппарате подежурю. Утром сменишь.

Ночью пришел старшина, поздравил с первой атакой и угостил спиртиком, а утром Григорий впервые увидел, что такое «Катюша».

Солнце еще не успело подняться, а высота уже застонала. Григорий стоял и смотрел на рваные раны земли. Он не мог представить, что ее так можно исковырять. «Конечно, в таком месиве никто не мог выжить», – подумал он. Потрогал распухшее ухо и отправился к комбату проверять связь и менять дежурившего деда.

2. Высота

Григорий подошел к землянке, где ночью был сформирован штаб, но увидел, что в ней никого нет. Он осмотрелся по сторонам и решил подойти и узнать расположение штаба у сидящих возле костра солдат. Солдаты с готовностью объяснили, что штаб перенесли в оставшийся целым ДЗОТ. Он находился на самой вершине высоты.

– Немцы теперь с другой стороны. Оттуда полезут. Нужная это высота, да и слишком легко мы ее взяли, – произнес один из солдат.

Он выставил к костру руки, пытаясь их согреть. Григорий удивился этому, ведь холода еще не наступили. Солдат смотрел на огонь и, казалось, разговаривал сам с собой. Гриша посмотрел на сидящих у костра и уже решился о чем-то заговорить, но вспомнил о дежурившем деде и поспешил сменить его.

Дед сидел у телефона в почерневшем от взрывов каменном укреплении. Он прислонился спиной к стене и закрыл глаза. Григорий решил, что старик спит, но Петрович, не открывая глаз, произнес:

– Пришел?

– Да.

– Выспался?

– Да.

– А что снилось-то?

– Ничего. Спал как убитый.

– Типун тебя на язык, сплюнь и не говори так никогда.

Гриша не был суеверным, но послушал деда и трижды переплюнул через левое плечо. Старик открыл глаза, встал и молча пошел к выходу. Остановившись в каменном проеме, он обернулся, посмотрел на парня и спросил его:

– Надеюсь тебе по связи и подключению ничего объяснять не надо? Хорошо в учебке учился?

– Да. Не надо, – немного смутившись, ответил Григорий.

– Вот и хорошо. А что, ухо болит? – улыбнувшись, спросил Петрович.

– Да нет, не очень.

– Повезло. Если в первом бою старшина перекрестил, значит, будешь жить. Тьфу, тьфу, тьфу. Примета хорошая. А наш старшина, если кого отметит, считай, с войной познакомит. А она своих жалеет. Ладно, я пошел. Там место не заняли?

– Нет, все сюда наверх перебрались, – ответил Григорий, а услышав последние слова старика, подумал: «Значит не один я про войну так думаю. Живая она – вот и дед мне это подтвердил».

– Смотри здесь! Немцы готовятся, молчат. Нужна им эта высота. Если кто придет и скажет идти окопы рыть – смело отвечай, что дежуришь на телефоне, ждешь приказ. Понял?

– Понял. А что, приказ должен поступить?

– Кто его знает, о чем они там наверху думают. Скажут комбата позвать, беги по траншее, что слева прорыта. Увидишь большую землянку, он в ней. Только сильно не ори, там ребята спят.

– Я все понял, не волнуйтесь, – ответил Гриша.

– Вот и ладно. Я пошел.

Старик вышел из ДЗОТа и, пригнувшись, побежал с холма вниз, к той полуразрушенной землянке, где ночью спал Григорий. Дед быстро нашел ее, увидел лежанку, поставил у обгоревшей доски автомат, лег и накрылся скинутой шинелью. А Гриша стал рассматривать бетонное укрытие, построенное немцами. Стены, потолок и пол были литыми – серого, мрачного цвета; ему казалось, что этот дом сделали из одного целого камня: выдолбили в нем помещение с длинным узким окном для пулемета и небольшим проходом. Привыкнув и удобно устроившись на ящиках от патронов, он снял с плеча вещь-мешок, достал из него банку тушенки и хлеб. Нашел в кармане подаренный учителем-майором нож связиста, открыл его и стал вскрывать тушенку. Этот нож был особенный, его майор пронес с собой через два года войны. Получив тяжелое ранение в правое легкое, он был комиссован, потому что ни бегать, ни быстро ходить не мог – задыхался. Майор Федорчук – преподаватель из Ташкентской школы связи – был высоким и крепким мужиком. Точнее, он казался таким. Ранение отобрало у этого человека и силы и здоровье. Родился и вырос он в Крыму и часто рассказывал о Черном море. В его взгляде, походке и манере общения было что-то морское. Многие это замечали и часто спрашивали, не служил ли он во флоте. Но майор не был моряком, хотя и мечтал об этом. Закончив Симферопольское училище связи, работал до войны на телеграфе. В 41-м получил бронь, но после нескольких десятков рапортов все же добился своего – и его призвали на фронт. Вырос от сержанта до майора, а после ранения не оставил службу и был направлен учителем в Ташкентскую школу связи. Он всегда носил форму и медаль «За отвагу» на груди. Гриша часто вспоминал Федорчука, ведь этот учитель как-то сразу полюбил его. Ему нравилось, что курсант Михайлов легко запоминал азбуку Морзе и мог из двух разбитых телефонных аппаратов собрать один – рабочий. Гриша до этого не изучал аппаратуру, но он любил технику, был любознательным и схватывал на лету все, что ему показывали и рассказывали. Как самому лучшему и добросовестному курсанту по окончании школы связи майор подарил ему нож. Он выпустил не один десяток связистов, но Григорий был особенным. Остальные все время жаловались на голод, слабость и отказывались досконально вникать в тонкости связного дела. Запоминали, как что подключить, соединить – и все. Григорий никогда не жаловался. Он узнал, что такое голод еще в интернате, а надев форму курсанта, помнил, что есть люди, которые живут хуже и голодают сильнее. По сравнению с интернатом в школе связи кормили сносно, и это был уже не тот голод, который ему пришлось пережить.

Теперь на фронте Гриша отъедался. Тушенка с хлебом доставляли ему столько наслаждения, что хотелось петь и летать. А когда попробовал тушенку американскую («Второй фронт», как ее называли солдаты), то не мог поверить, что существует такая вкусная еда.

Время тянулось, телефон молчал. Гриша вытер нож, убрал хлеб в вещмешок и, высунувшись из ДЗОТа, выбросил пустую консервную банку. Вернулся к аппарату, посмотрел на него, прижался к стене. Решил подремать сидя, как это делал дед.

Неожиданно сработал, протрещав, телефон, и Гриша, сняв трубку, по привычке доложил:

– Курсант Михайлов слушает.

– Кто? – переспросил голос на том конце связи.

– Рядовой Михайлов, – поправил себя Гриша.

– Ты когда прибыл?

- Вчера.
- В штурме высоты участвовал?
- Да.
- Хорошо. Комбат где?
- Спит.
- Ну, пусть спит, не буди. Скажи, чтоб связался со мной.
- Так точно доложу, – волнуясь, отрапортовал Григорий.

Связь прекратилась, и тут он понял, что растерялся и не спросил, с кем нужно связаться комбату. Как он доложит, кто был на связи? Григорий посмотрел на телефон и почувствовал страх. Такого страха он не чувствовал даже перед боем – это был другой страх. Он давил изнутри и нагнетал что-то ужасное. Мысли путались, хотелось все бросить и убежать от этих строгих и страшных людей. Но Гриша не сдавался, он боролся с тем, что пыталось вырваться из него, не показывал и изо всех сил держал свой страх, загоняя его еще глубже в себя. Он поднялся и стал ходить по ДЗОТу. В углах стояли ящики от патронов, некоторые из них были разломаны и валялись на полу. Григорий перешагнул через них и подошел к бойнице с брошенным пулеметом. Из него торчала искореженная лента с несколькими патронами. Взрыв гранаты сильно изуродовал этого бездушного убийцу. Он внимательно посмотрел на труп пулемета, подошел ближе и заглянул через бойницу на поле боя. Туда, где еще вчера, у разрушенного сарая, строился их батальон. Все было как на ладони, и казалось, возьми пулемет – и всех сразу: вот они мы, ходим там.

– Интересно, почему немец не стал стрелять? – подумал Григорий. – Возможно, ждал приказа, – ответил он сам себе.

Увидев свои старые позиции, Гриша на какое-то время забыл о телефоне и строгом человеке из штаба, имени которого он не спросил. Он увидел лежащие на земле трупы. До этого они словно не существовали, а тут вдруг появились все сразу. Волнение и непонятный вязкий страх, сковывающий тело, вернулись.

– Как я смог? – шепотом спросил он сам себя. Вспомнил, как во время атаки, словно в каком-то забытии, уперся лицом в разорванное тело и испачкался кровью. Гриша сел у аппарата на ящик, стараясь забыть страшную картину и не думать о вчерашней атаке. Он посмотрел на телефон, собрался и стал спокойно размышлять, как ему сообщить комбату о звонке.

– Чего мне бояться своих? Вон чего надо бояться: не остаться наполовину разорванным, торчащим из земли, – вновь прошептал он.

Все его мысли и придуманные планы рухнули, как только снова сработал телефон. Григорий снял трубку и четко доложил:

– Рядовой Михайлов слушает!

– Ну что, комбат встал? – услышал он тот же голос и почувствовал, как на смену чужому, тупому и непонятному страху пришла радость. Он решил, что теперь обязательно узнает имя старшего командира. При чем сделает это по форме, как его учили.

– Никак нет. Спит. Не приходил.

– Придется будить. Беги за ним, скажи, комдив вызывает.

«Ну вот, – подумал Григорий, – и спрашивать не пришлось».

Он четко ответил:

– Есть.

Положил трубку и побежал к землянке. Выскочив из ДЗОТа, он глубоко вздохнул, вспомнил слова деда, что орать не надо и поспешил за комбатом.

Быстро прошел по траншее, увидел землянку и стоящего около нее капитана Киселева: он внимательно рассматривал позиции немцев и докуривал маленький чинарик, еле удерживая его кончиками пальцев.

– Товарищ капитан, комдив на проводе!

– Иду, – ответил Киселев и, бросив в рыхлую землю остатки сигаретки, выпрыгнул из окопа и, пригнувшись, побежал к ДЗОТу.

Их разговор затянулся: сначала они, смеясь, приветствовали друг друга, но затем лицо комбата стало мрачным. Григорий, увидев это, понял: предстоит серьезное сражение и со стороны фашистов будет предпринято все, чтобы вернуть высоту.

Киселев положил трубку телефона посмотрел на Григория и, улыбнувшись, спросил:

– Ну, как, выстоим?

– Конечно, – усмехаясь, ответил солдат. В тот момент Гриша не представлял, что их ждет. Первый бой развеял его сомнения, и он решил, что воевать не так уж и страшно, но война решила преподнести урок – показать, что это не прогулка и не курорт. Попробуй выживи на пределе человеческих возможностей: все мышцы напряжены, а тут еще надо правильно соображать и держать себя в руках. Сумел? Значит, у тебя есть шанс.

Комбат вернулся в землянку, старшина построил личный состав, после этого Киселев объявил о приказе удержать высоту сутки. Дальше станет легче: наступление по флангам должно отбросить противника, но пока войска перегруппируются, им нужно держать эту высоту, чтобы в предстоящем наступлении не было лишних жертв.

Батальон разошелся, а командиры рот собрались в землянке для обсуждения обороны высоты.

– Ну ты что? Совсем на службу забил? – услышал Григорий голос деда. Он обернулся и увидел, как старик, раскручивая катушку, переносит связь из ДЗОТа в землянку. – Видишь, здесь совещаются, значит, и связь сюда тяни без предупреждений, понял?

– Да, – немного взволнованно ответил Григорий.

– Аппарат тоже оставлять нельзя! Ушел ушами хлопать! Что интересно?

– Так надо ж знать, что будет?

– Тебе скажут, не бойсь. Ты главное, свое знай. Связь должна быть рядом с комбатом всегда. Ему некогда об этом думать. У него мысли другим заняты. А ты должен соображать и помнить: где он – там и ты с аппаратом. Понял?

– Так точно!

– Смотри! Это не шутки.

– Да нет, все я понял. Исправлюсь!

– Верю. Ладно, на катушку, подключайся и проверь связь. А я, пока тихо, еще одну линию – запасную протяну.

– Все понял, – ответил Григорий и, взяв катушку, отмотал провод, установил в землянке пару ящиков из-под патронов, поставил на них аппарат и стал подключать линии с позиций и проверять связь.

Не успел он прикрутить последний провод, как аппарат сразу затрещал. На линии снова был комдив. Он приказал срочно позвать комбата, и Григорий, находясь рядом, в землянке, доложил капитану Киселеву, что его вновь вызывает комдив.

Разговор был коротким, Киселев тут же приказал всем командирам вернуться на свои позиции и приготовиться к бою. Позже Гриша узнал, что комдив сообщил Киселеву о захвате языка и тот рассказал, что взятие высоты начнется с минуты на минуту. Немцы решили воспользоваться преимуществом и не дать захватившим высоту времени на окапывание и подготовку к отражению атаки.

Война подарила им еще несколько минут спокойствия. Кто-то успел поесть, кто-то почистить оружие, но она как всегда напомнила о себе неожиданно. Никто не слышал свиста или шума летящего снаряда. Он незаметно и неслышно прилетел и разорвался в костре, вокруг которого грелись солдаты. Людей разбросало в стороны. Гриша по неопытности высунулся посмотреть, но тут же услышал строгий голос старшины:

– Не лезь! Сиди на связи! Сейчас они припугнут артподготовкой, а потом сами полезут. После обстрела выбери место в окопе, только такое, чтобы связь была рядом с тобой. И не горячись, еще успеешь. Следи за аппаратом!

– Все понял, – ответил Григорий. В этот момент один из снарядов разорвался совсем близко, и молодой боец не услышал, что ему ответил старшина. Гриша лишь увидел, как его огромная шинель взвилась над окопом и куда-то улетела. Григорий прижался к земле, прикрывая собой аппарат. С другой стороны он перевернул ящики, чтобы они хоть как-то защищали от прилетающих кусков грязи.

Земля от каждого взрыва дрожала, и он чувствовал ее колебания: они казались ему дрожью огромного существа, на спине которого одни люди убивали других, применяя мощное безжалостное оружие. В короткие мгновения тишины между взрывами Гриша наклонялся к телефону и слушал его. Конечно, что могла ему сказать эта коробочка с телефонной трубкой, но он смотрел на нее и верил, что она живая: там, за этим тонким проводом вся сила русского народа – огромная армия, идущая на помощь.

Телефон молчал, а разрывы мин и снарядов с непонятной последовательностью стали прекращаться. Они все реже и реже сотрясали высоту, и вскоре последний, совсем легкий где-то там, сбоку, разорвался, как бы сказав: все, артподготовка окончена.

Несколько минут все сидели в окопах молча: ждали, что будет дальше – новая волна летящих мин и снарядов или штурм. Тишину разорвала пулеметная очередь. Ее подхватила вторая, за ней третья, и вот уже со всех сторон стала, переливаясь, тарыхтеть и трещать война. Сегодня ее песня была другой: свиста и шелеста, летящего над головой, не было. Что-то стрекотало, перекрикивая друг друга, и лишь один крупнокалиберный пулемет, как самый басистый крикун, глухими очередями заглушал остальных. Со стороны фашистов слышался такой же – мощный: он отвечал, но все время захлебывался, а наш, как заводной, отстукивал свой такт, заглушая всякую мелочь, трещащую рядом.

Григорий расставил ящики, поставил ровно аппарат, провернул ручку и доложил о проверке связи. Все работало как надо – линия осталась целой, хотя несколько снарядов взорвались совсем близко от того маршрута, где они еще вчера вместе с дедом проложили ее.

– Интересно, где дед? – подумал Гриша и сам себя успокоил, что, возможно, старик протянул запасную линию в ДЗОТ и находится там.

Все это время – артобстрел, и начало перестрелки – показались молодому солдату долгими, но на самом деле прошли лишь минуты. К нему подобрался комбат и громко приказал: – Соедини с третьей ротой!

Григорий тут же включился в работу. Командир третьей роты ответил сразу, и Гриша доложил что он «на проводе». Комбат дал указания, услышал, откуда началось наступление и приказал беречь патроны. Затем он потребовал связь с первой, а потом со второй ротой, потом опять с третьей, и эта суматоха вызовов отвлекла Григория от гуляющей по высоте войны. Он четко выполнял все приказы, и связь работала отлично. Молодой боец не чувствовал усталости, его язык не заплетался и четко отвечал на команды.

Всю эту суматоху приказов и распоряжений на время оборвал взрыв. Он разорвался точно над землянкой и выворотил несколько бревен. Всех, кто находился внутри, на какое-то время оглушило, наступила тишина. Бойцы и командиры потихоньку поднимались, стряхивая с себя грязь и пыль, очищали стол, карты и все молчали. Они знали, что в первые минуты после такого взрыва говорить и орать бесполезно, лишь комбат подполз к Григорию и прошептал прямо в ухо: «Пробирайся в ДЗОТ». Гриша не услышал этих слов, он просто почувствовал их, посмотрев, как четко шевелятся губы Киселева, при слове ДЗОТ понял, куда нужно идти. Он показал рукой в сторону каменного сооружения, и Киселев одобрительно махнул головой.

Отключив аппарат, Гриша прикрутил провод к катушке и стал сматывать его, сокращая расстояние. Он не думал, что идет по окопу, над которым летают коварные слуги смерти – пули.

Гриша просто не слышал их. Последствие взрыва – глухота – еще не прошло. А он, то и дело забрасывая за спину автомат, продолжал передвигаться. Автомат, как нарочно, падал и путал провод, приходилось останавливаться, но он смог не замешкаться и перенести линию в ДЗОТ.

Шагнув в каменное убежище, он тут же расставил уже знакомые ящики, соединил провода и проверил связь.

Аппарат сразу заработал, и голос комдива приказал немедленно позвать Киселева. Гриша перезарядил автомат и, высунувшись из ДЗОТа, увидел командира. Комбат вместе с офицерами пробирался по траншее – той самой, где только что шел Григорий.

Гул со свистящим скрежетом разрезал небо, и бывшая командная землянка вместе с бревнами взлетела на несколько метров вверх. Впервые Гриша почувствовал запах смерти. Еще несколько минут назад он находился там, где теперь была огромная воронка, в которую с неба сыпались обгоревшие бревна. Первым желанием было спрятаться, вжаться куда-нибудь, вернуться в ДЗОТ, но это желание было каким-то чужим, не его. В голове лишь стояло то, что комдив срочно требует комбата.

Отряхнувшись, Гриша поднял голову и увидел, что не только от землянки, но и от окопа ничего не осталось. Вся земля была перевернута, перепахана и разбросана в стороны. Там, где еще что-то осталось, это, скорее, было похоже на небольшой ров. Григорий посмотрел по сторонам, но никого не увидел. Первая мысль: «Где Комбат?» – посетила и испугала его. Внимательно всматриваясь в место взрыва и разбросанную в стороны землю, Григорий заметил в нескольких метрах от себя, как рыхлая земля зашевелилась. Он вспомнил, что примерно там видел в последний раз Киселева с офицерами из штаба. Гриша подполз к этой дышащей земле и стал пальцами разгребать ее. Раскопав руку он сообразил, где голова человека, передвинулся и через несколько секунд отрыл обугленное лицо комбата Киселева.

– Товарищ капитан! Вас Комдив к аппарату! – Грише показалось, что Киселев его не слышит. Тогда он отрыл пальцами левое ухо, отбросил липкую землю и заорал в него: «Комдив на связи! Срочно!»

Гриша посмотрел в лицо комбата и испугался. Этот мужчина, прошедший не одну версту по дорогам войны, бешеным и одновременно каким-то очумевшим взглядом смотрел на него.

– Ты чо, охренел! Меня от твоего крика контузило. Щас, все дела брошу и поскачу к нему! – со злым сарказмом выругался Киселев.

В этот же момент рядом с его лицом вновь зашевелилась земля, а через секунду из нее вырвался фонтан грязи. Гриша присмотрелся и увидел чей-то рот и огромные красные щеки. Он узнал – это был ротный Иванов. Среднего роста толстячок с огромными щеками и красным лицом. Он запомнил его еще у сарая, до взятия высоты. Но, понять, где было все остальное тело этого человека, было сложно. Рот Иванова находился совсем рядом с головой комбата.

– Ни хрена себе, глотка луженая, – прокричал этот торчащий из земли рот. – Я думал, подох, а тут ни фиги не дадут – с того света подымут, – добавил Иванов, отплеываясь.

– Иванов, ты что ли? – спросил комбат.

– Да я, я! Только пока не разберу, где рожа, а где жопа? Слышь, комбат, этому горлопану орден дай. И в атаку без оружия пускай. Пусть орет – фрицев пугает!

– Ну, что смотришь? – сурово прокричало лицо комбата. – Раскапывай!

Гриша, услышав и увидев все это непонятное, никак не мог сориентироваться, с какой стороны копать, вспомнил про руку, которую первой откопал, и решил потянуть за нее. Ухватился и стал выдергивать ее из насыпанной кучи. Рука не сопротивлялась, но вдруг резко хрустнула, ткань рукава треснула, и Гриша вместе с рукой отскочил в сторону. Он встал во весь рост и, широко раскрыв глаза, смотрел на оторванную руку. Шокирующее состояние обволокло тело. Вокруг что-то свистело, взрывалось, но, видимо, война наслаждалась этим представлением и не трогала обезумевшего пацана. Он не знал, что делать, но, услышав трехэтажный мат

комбата, присел и с сожалением, дрожащим голосом спросил: «Это случайно не ваша рука?». Торчащее из земли лицо и плюющийся рядом рот рассмеялись.

– Бросай ты эту руку и давай, копай! – громко крикнул комбат.

Гриша еще раз посмотрел на руку, аккуратно положил ее рядом и стал откапывать голову Киселева.

Позже Григорий с усмешкой вспоминал об этом, но он на всю свою жизнь запомнил, как нужно вести себя в таких ситуациях: нельзя бояться – смех и шутки лучшее спасение. Наверное, они отвлекают от боли, от страшных мыслей. Смерть не замечает тех, кто смеется. Она, забирает к себе лишь тех, кто ждет и боится ее. Иногда проявляет сочувствие и к тем, кто честно терпит невыносимую боль – спасая и выручая их этим.

А они, командиры, находясь на волоске от жизни, смеялись и учили мальчишку Гришу своим поведением, как нужно выживать!

– Комбат, – спрашивал торчащий рот лейтенанта, – не твою ли руку связист оторвал впопыхах. На что тот отвечал: «Хорошо хоть руку – мог ведь и еще чего раскопать и оторвать». Оба, почти зарытые в могилу, ржали как резаные и смешили остальных – тех, кто подоспел на помощь связисту откапывать своих командиров.

Гриша вернулся к аппарату. Позже с улыбкой подошел комбат. Он доложил, что высоту они держат, но потери очень большие, нужна поддержка артиллерии. Киселев развернул планшет и стал называть координаты удара. После чего сел на ящик, достал махорку, скрутил сигаретку и протянул ее Григорию.

– Как звать-то тебя, спаситель ты наш горластый? – при этом он почесал мизинцем то самое ухо, в которое кричал Гриша.

– Рядовой Михайлов!

– Понятно. А звать как?

– Григорий.

– Молодец, Григорий, не растерялся. Слушай, а ты ведь вчера прибыл еще днем?

– Да.

– Значит, ты вместе с нами эту высоту брал?

– Да.

– Ну, ты герой. А чо ж сразу-то так не орал? Всех фрицев бы распугал, – произнес комбат и залился смехом. Его поддержали остальные. Но один коренастый паренек с грязным лицом подошел и с серьезным видом произнес:

– Спасибо! – потом он так же серьезно повернулся к сидящим офицерам и стал говорить:

– Пробираюсь я, значит, по окопу – стреляю. Комбата прикрываю. Вдруг, раз – и тишина. Глаза открываю – темно. Носом нюхаю – земля. Думаю: все – в могиле. Вдруг, эта моя могила как заорет! – он повернулся и посмотрел на Гришу, а все вновь закатились смехом.

Только теперь Григорий рассмотрел погоны этого человека – лейтенанта Иванова и, прищурившись, заметил сквозь грязь на его лице красноту. Лейтенант похлопал Гришу по плечу еще раз и, вновь съязвив, поблагодарил: «Молодец – горластый!»

Гриша сидел и стеснялся, а весь штаб смеялся над молодым бойцом. Он не мог понять, почему эти люди издеваются, ведь он на самом деле спас их. Неужели это истерика. Атака еще не закончена – там, совсем рядом, идет сражение, и гибнут люди, а они здесь ржут, как лошади. Нет бы, на самом деле поблагодарили. Где-то недалеко снова разорвалась бомба, и в ДЗОТ залетели ошметки земли, а офицеры рассмеялись еще больше. Тут в голову Гриши пришла неожиданная мысль: откуда она пришла, он и сам не понял.

– Товарищ комбат, разрешите обратиться к товарищу лейтенанту?

– О, какой, – произнес лейтенант.

А комбат, немного успокоившись, посмотрел на солдата и спокойно ответил:

– Разрешаю!

Гриша медленно подошел к лейтенанту Иванову и стал пристально смотреть на его рот.

– Что, рот узнал? Он ведь один из земли торчал? – снова стал шутить Иванов.

– Да, так точно узнал! Только... – Григорий замолчал.

– Что только? – строго спросил комбат. – Договаривай, раз начал, – приказал он.

И тут Гриша, сам не зная почему, выдал:

– Только вот, товарищ комбат, я не сразу понял, что это рот лейтенанта – показалось мне, что это жопа! И мысли странные пришли: подумал – как это? Чья-то жопа рядом с лицом комбата. А когда увидел, что она плюется, вот, ей Богу, перекреститься хотел, – произнес Григорий и сам испугался – оттого, что вспомнил Бога. Ему стало не по себе, ведь он совсем недавно вступил в комсомольскую организацию.

Все, кто были в ДЗОТе, упали на пол. Они просто не могли смеяться. Офицеры держались за животы, а комбат, как резаный поросенок, верещал: «Щас обоссусь!»

Где-то в двух шагах взрывались осколочные снаряды. Их осколки в унисон смеху ударили о стены ДЗОТа, кто-то совсем рядом погибал, а здесь, в этом месте, на какое-то время война отступила – она ничего не могла сделать с этими людьми. До поры она отвернулась, словно решив: «Авось потом отомщу!». А сейчас война жалела и любила тех, кто украшал ее стонущую кровавую землю смехом, побеждающим смерть.

– Молодец! Свой! Налить ему сто грамм! – приказал комбат. И в этот же момент снова выросла непонятно откуда огромная фигура старшины. Он протянул Григорию флягу и кусок хлеба с салом. Гриша выпил, занюхал, заел, посмотрел на довольные лица и глубоко вздохнул.

Иванова тут же прозвали Жопа-морда, с несколькими вариациями: Мордожопин и наоборот Жопомордин. Лейтенант не обиделся – он был веселым человеком. Ушел с ротой на правый фланг и исчез без вести. О нем еще долго вспоминали, и казалось: этот человек жив и находится в батальоне. Совсем не верилось, что он умер. В том, что он погиб, сомнений не было. Правый фланг артиллерия немцев сильно потрепала, выжило лишь несколько человек. Они рассказывали, как мощные взрывы рвали людей на куски, смешивая остатки их тел с грязью, превращая все это в кровавое месиво. Но это было позже, а теперь Гриша, выпив спириту, подобрел, повеселел и совсем забыл о войне. Комбат вернул его в реальность:

– Как связь, солдат? – спросил он.

– Сейчас проверю.

Григорий снял трубку и понял, что линия перебита.

– Связи нет. Нужно тянуть, – ответил рядовой Михайлов. Он тут же очнулся, схватил катушку с проводом и стал протискиваться в проход, но комбат остановил его.

– Иванов! Дай ему пару человек для прикрытия.

– Есть, – ответил лейтенант.

Ротный высунулся из ДЗОТа, позвал двух солдат и приказал им прикрывать молодого связиста.

Улыбки и смех кончились. Война вернулась, и теперь было главное – удержать высоту! А для этого, как всегда, нужна была связь.

Григорий вышел из ДЗОТа, пригнулся и в сопровождении двух солдат пополз к старым позициям. Сначала он пластался вдоль провода, пытаясь найти разрыв, но позже понял, что линия пострадала сильно. В таком артобстреле линии долго не живут, тем более, на таком маленьком пятачке земли, называемом высоткой. С этой стороны ползти было легче. Сама высота защищала от пуль, но прилетающие с той стороны снаряды не оставляли в покое эту землю. Причем они взрывались там, где их совсем не ждали. Одни улетали дальше, вперед, к самому подножию холма, другие взрывались на старых немецких позициях.

Григорий с двумя солдатами старались перебежать от воронки к воронке, от окопа к окопу, но снаряды все равно разрывались где-то рядом, не оставляя в покое.

Из двух прикрепленных солдат один был ровесником Григорию, а другой постарше, лет на пять, но они, как и он, тоже только прибыли и не были толком обстреляны. Григорию пришлось думать о них и часто указывать, куда перебегать и где укрываться. Продолав почти половину пути, Гриша уже спустился с высоты, но неожиданно увидел что-то знакомое. Это был дед – его напарник. Он лежал наполовину присыпанный землей, сжимая в руке катушку с проводом. Григорий подполз к нему, перевернул и увидел лицо смерти. Его стариковское лицо было иссечено мелкими осколками, а на седых волосах явно просматривались сгустки крови. Дед был мертв, и Григорий вспомнил, как он ушел тянуть запасную линию. Зачем он решил сделать это, Гриша не знал. «Наверное, – подумал солдат, – решил воспользоваться затишьем, но попал под снаряд».

Вырвав из руки деда катушку, Гриша проверил линию и убедился, что она рабочая.

– Значит, он сумел до штаба дойти и вернуться сюда, а дальше не смог, – произнес он, посмотрев на солдат, данных ему для прикрытия. – Все, возвращаемся! Линия есть!

Гриша отдал свою катушку молодому, а сам, взяв такую же у деда, потянул линию обратно в ДЗОТ. На какое-то мгновение обстрел кончился. Бойцы привстали и вприсядку пробежали до позиции и штаба.

Вернувшись в ДЗОТ, Григорий быстро подключил провод, проверил связь и доложил об этом комбату. Тот связался со штабом дивизии и доложил обстановку. Затем посмотрел на присутствующих и мрачно произнес:

– Отступать нельзя! Будем стоять до последнего! Давай, Гришаня, бери свой автоматик и рядом со штабом, далеко не уходи, устраивайся. Сейчас каждый ствол на счету. Я тут сам на звонки отвечу.

Григорий, качнув в знак согласия головой, вышел из штаба и в двух шагах устроился в окопе. Он выбрал позицию, перезарядил автомат и приготовился стрелять в тех, кто должен прийти за его жизнью. Солдаты Вермахта то поднимались и бежали, пытаясь пробиться и подойти ближе, то залегали и отстреливались. Впереди Григория, вниз по сопке было еще несколько рядов окопов. В них находились бойцы Красной армии. Они первыми отражали атаки, а Гриша как бы сверху стрелял туда, где каждая кочка и выступ прятали врага и огрызались в ответ.

Все произошло неожиданно, как будто из-под земли выросла целая армия обезумевших фрицев и побежала на высоту. Их стали прикрывать удобно расположившиеся за их спинами пулеметы, а еще дальше из небольшой рощицы методично обрабатывали высоту орудия. Где-то между бегущими и рощей несколько минометов методично выплевывали свои снаряды. Они с дребезжащим визгом летели и разрывались на позициях высоты. Немцы, почувствовав небольшую заминку, подобрались к заграждениям из колючей проволоки. Они прижались к земле и стали пробираться под ней. Высота и наши бойцы встретили всю эту бегущую свору плотным огнем, еще сильнее прижав врага к земле.

Гриша приготовился. Он держал палец на спусковом крючке, но никак не мог выбрать первого немца, чтобы выстрелить в него. Кого-то сразу убивали, другие прятались за трупы и вдруг из этой хаотично движущейся массы вырвался один немец и, зацепившись за колючую проволоку, уронил автомат. Не обращая внимания на летящие в его сторону пули, он стал выпутываться.

«Так, этот мой», – подумал Гриша. Он четко прицелился и выпустил очередь. Приклад непривычно ударил отдачей в плечо, и все пули полетели вверх, как говорится, по воронам. Григорий прицелился еще раз и снова, как его учили, сделал вдох и нажал на спусковой крючок. Но в это время колючая проволока, в которой запутался немец, словно пружина оттащила его назад и все пули вновь прошли мимо. Гриша вытер пот со лба и, почувствовав злость, решил третий раз всадить, как говорится, наверняка. Он совсем не думал, что перед ним человек. Он видел врага и хотел хоть одной отнятой жизнью приблизить победу.

Третья очередь, как и две предыдущие, прошла мимо. Гриша высунулся, поднялся над окопом и заметил, что из первых траншей наши солдаты уже не стреляют по нему а, смеясь, что-то кричат – советуют.

– Задницу отцепи, – кричали справа.

– Шинелку, шинелку смотри! Всю разодрал! Сымай ее – и тикай отсель! – кричал солдат слева.

Но немец, как замороженный, пытался вырваться из этой стальной паутины. Он как-то странно дергался-рвался и, увидев все это, Гриша почувствовал злость.

– Какого хрена ты вообще сюда прешь! – прорычал он и решил поставить точку, а заодно открыть собственный счет чужой смерти. Но в этот момент комбат что-то крикнул. Григорий обернулся и увидел, как Киселев с трубкой в руке стоит в проходе и корректирует огонь. Увидев, что все со связью в порядке Гриша вернулся к своему немцу. Тот продолжал дергаться, раздражая молодого бойца. Отдышавшись и спокойно прицелившись, Гриша решил, что этого первого он запомнит, но только он нажал на курок и выпустил точную очередь в цель, как в это же самое время прилетел снаряд и угодил точно в запутавшегося немца. Пыль от взрыва осела в воронку Гриша тяжело вздохнул. Он так и не понял, кто вперед убил фрица: он – своей точной очередью – или тот снаряд, что разнес фашиста в пыль. Но долго думать ему не дали: началась новая атака и Григорий уже без дрожи и волнения клал одного за другим. Он видел, как умирают эти люди и не жалел их. Вспоминая деда-связиста, Гриша не мог перебороть родившийся внутри него гнев. Он не тратил патроны зря и не спешил с выстрелами – бил четко и наверняка. И с каждым новым убитым немцем в нем что-то набиралось: словно в песочных часах – невидимая сила, заставляющая драться и не думать о человеческой жалости.

Когда-то в Ташкентской школе он много думал о том, сможет ли убить человека. Даже если это немец, у него тоже есть мать, отец, дети. Они ждут его, любят, и Гриша не мог понять, как он будет справляться с этими мучавшими его чувствами на поле боя. Но пришло время стрелять – и все эти чувства, как зайцы, убежали в глубины души и спрятались. Он видел тех, кто только что смеялся, а теперь они лежали рядом и открытыми ненавидящими глазами смотрели в синее небо. Почему, за что эти люди вот так погибли. «Немцы, которых я жалею, пришли сюда и захотели нас убить. Так почему же я должен испытывать к ним чувство жалости, стрелять мимо из-за того, что они то же люди?! Нет. Ни одного патрона зря не истрочу!», – со злостью решил Григорий и продолжал, слившись в одно целое с автоматом, косить прущее на него скопище врагов.

Немцы вновь залегли. Григорий вытер пот и посмотрел на ДЗОТ. Он на мгновение забыл о связи и сладостно увлекся мезтью. Возле входа стоял комбат и внимательно смотрел на Гришу. В его глазах больше не было смеха и сарказма. Его покрасневший взгляд впился в пацана и изучал его, как нечто диковинное.

– Да, ты молодец, – негромко произнес он. – умеешь «давить». Я не стал тебя отрывать от такого удовольствия, но сейчас небольшой перекурчик приключился – проверь, по-моему, связь перебили.

Гриша закинул автомат за спину, протиснулся в ДЗОТ, немного оттолкнув комбата. В нем еще бушевала сила русская – проснувшаяся в его душе.

– Извините, товарищ капитан, – сухо произнес солдат.

И комбат, попятившись от такого напора, нерешительно ответил:

– Да нет, ничего.

– Да, связи нет. Я пошел, – ответил ему Григорий и, выпрыгнув из окопа вместе с катушкой, побежал перебежками, проверять линию.

В этом затишье между атаками и обстрелами делать это было несложно. Гриша взял в руку провод и, выдергивая его из присыпанной земли, шел по нему, пытаясь найти разрыв. Когда дернул в очередной раз, в его руке, оказался перебитый конец, продолжения у которого

не было. Гриша пробежал еще несколько метров, но провода не нашел. Тут он вспомнил о своем наставнике деде. Линия как раз проходила рядом с его убитым телом. Гриша сразу вернулся вниз к началу холма и, остановившись у трупа старика, увидел конец провода. Проверил, и убедился, что и в этот раз на этом конце линия работала. Гриша соединил провод с катушкой и уже хотел уйти, но остановился и, посмотрев на деда, оттащил труп в разбитый окоп – убрав от случайных снарядов, что могли долететь сюда.

– Да, дед оставался до конца верным войне, – подумал он. – Он с ней разговаривал, был почти свой, а теперь он продолжает воевать, охраняя и указывая мне на чудом уцелевшую линию.

Конечно, в этом затишье Гриша мог добежать и до штаба, но то, что рядом с его наставником была рабочая линия, говорило о том, что этот человек, даже погибнув, продолжал воевать.

– А душа старика, наверное, уже в отдельном Небесном батальоне. Дед заслужил это, и пусть у него не было медалей, но он честно воевал: спорил, ругался и всегда прислушивался. Те, несколько слов, что он успел сказать мне, подтвердили, что не только я один вижу в ней, Войне, что-то живое, даже разговариваю... Он был достойным и честным до конца, но видимо, его час пробил. Это предупреждение мне – теперь я первый, и от меня зависит связь, а от нее – жизни людей, – подумал Григорий.

Там за высотой вновь затрещал пулемет. Гриша, взяв катушку, еще раз посмотрел на бугорок, под которым упокоился дед, и вернулся к ДЗОТу. Восстановив связь, комбат доложил о потерях и, повесив трубку, произнес:

– Возможно, ночь будет спокойной, но расслабляться нельзя. Немцы могут вылазку сделать, чтобы сбить наступление.

А где-то там в нескольких километрах вправо огромная армия СССР готовилась к наступлению. Здесь, на высоте, один батальон сдерживал атаки, артобстрелы, но все понимали, что основной удар будет в другом месте, чуть правее. Фашисты тоже об этом знали. Их попытки что-то отвоевать были непонятны всем. Вся нацистская армада как снежный ком катилась с горы вниз. И где-то там под такой же невидимой сопкой этот ком разобьется вдребезги и растает. Немцы это понимали, но сдаваться не хотели. В них проснулось что-то иное: не фанатизм, а скорее отчаянный страх перед неодолимой силой справедливости.

Постепенно на высоту стала опускаться ночь. Изредка с дребезжащим визгом плевался миномет, но на него мало кто обращал внимание. Мины улетали куда-то далеко и разрывались там – впереди, где наших позиций не было. А ночь обволакивала высоту тьмой. На небе появились звезды. Их изредка подсвечивали одинокие вспышки ракет. Месяц, качаясь, болтался на «честном слове» – ждал, когда же очередной осколок собьет его окончательно. Оставшиеся в живых, наслаждались тишиной. Молча ели тушенку, пили спирт и курили самокрутки, вспоминая ужасы прошедшего дня.

Григорий устроился в штабе на ящиках. Поел, выпил положенные «боевые сто грамм» и, расслабившись, стал вспоминать дом и учебу. Прошедший день еще не отложился в его сознании так, чтобы о нем помнить с болью и горечью – все это придет потом, а теперь он сполна наслаждался подаренным войной удовольствием – остаться в живых.

3. Ночь

На высоту опустилась ночь. Это была вторая ночь на фронте – первую он и не заметил: будто провалился в черноту с одной мыслью – сменить деда-наставника. Теперь Петровича не было – он погиб, и Гриша, вспомнив старика, с жалостью вздохнул. Он перебирал в памяти все, чему тот его учил, стараясь хорошенько запомнить наставления.

Где-то вдалеке гремела канонада, окрашивая вспышками горизонт. Изредка взлетали ракеты и освещали высоту.

– Интересно полезут немцы ночью в атаку? – подумал он и сам себе ответил, – вряд ли.

Линия фронта давно поравнялась с этой высотой, и она потеряла свою значимость. Теперь фашисты отойдут и в удобном месте займут оборону.

Так это и произошло, утром комбат приказал сниматься с высоты и идти вперед, но это только утром, а пока над высотой стояла ночь. Гриша вышел из ДЗОТа и, облокотившись на бревна окопа, стал рассматривать поле боя.

Впереди метров за двести еще что-то происходило. Одинокие автоматные очереди разрезали тишину: кто-то истерично закричал на непонятном языке и умолк. Только канонада, там, вдали, вздыхала и охала глухими взрывами. Казалось, что по горизонту ползет огромный сказочный, огнедышащий дракон. Он извергает из своих голов огонь и бьет каменным хвостом по земле, отчего та содрогается. Испуганное эхо доносит откуда-то редкие хлопки разрывов снарядов. Неожиданно эти глухие разрывы приблизились, и Григорий увидел – совсем близко, как вздымается земля, разбрасывая свой фейерверк грязи. Затем эти взрывы отошли в сторону, туда, где виднелся песок искусственной насыпи перед целым рядом укрепленных бойниц. Снаряды падали в этот песок и поднимали вверх облака пыли. Эти облака, словно чудовища, висели в воздухе. Их дрожащие лапы и хвосты соединялись друг с другом. Все это напоминало какое-то странное представление. Вот – новый взрыв и еще одно песчаное создание выросло из земли и поползло вдоль поля. За ним остальные – это легкий ветерок прогонял их, преобразя облака пыли в непонятные движущиеся существа. Обстрел продолжался долго и Григорий с интересом наблюдал за этими созданиями войны. Он даже подумал, что эти несуразные пыльные чудовища ее слуги. Они что-то ищут, проверяют, пока сама Война там, у горизонта наслаждается очередным представлением.

Вскоре все закончилось, и взрывы и эти видения.

– Наверное, они ничего не нашли и просто оставили эту измученную землю. Война призвала своих странных разведчиков к себе, чтобы они в другом месте нащупали что-то нужное для нее. А что может быть для этой ненасытной пожирательницы нужным – только люди: запах крови, стоны, боль. Это ее музыка наслаждения. Она успокаивается, когда кто-то умирает в мучениях и деловито разводит по потусторонним батальонам мужества и трусости. А может быть Смерть и Война – это одно и то же? Нет! Скорее они просто вместе занимаются общим делом. Одна сводит людей, зарождает в них причину ненависти друг к другу, а вторая как вечная старушка-санитарка – прибирает и успокаивает. А здесь что? Никого нет, немцы отступили, и если учитывать канонаду, то фронт ушел далеко вперед. Почему мы здесь застряли?

Гриша услышал шаги. Обернулся и, увидев комбата, встал и взметнул ладонь к виску.

– Почему не спишь? – спросил офицер.

– На связи. Один я остался. Дед погиб.

– Жаль, хороший был солдат, пули его облетали, да, видать, время пришло. Да и замена, – комбат с ненавистью посмотрел на молодого бойца.

– Что, я то виноват, что меня сюда прислали?

– Нет, ты тут не причем.

– А кто же тогда причем.

И он ответил тихо и мрачно:

– Война.

– Да уж, – добавил связист, – с ней не поспоришь.

– Да, нет, – завелся комбат, – спорить надо! И нарушать все ее правила: она тебя приговорила – ты живи на зло ей! Она тебя в ад кромешный – а ты выкарабкивайся! Не верь ей. Тогда, может, и выживешь!

– Понял, – резко произнес Григорий, – правило только одно «Я должен выжить!»

– Молодец! Ты мне все больше и больше нравишься. Сам-то откуда?

– В Казахстане родился.

– Да что-то на казаха ты не похож?

- Русский я. Родители там жили.
- Понятно. Из сосланных. Небось казачок?

Григорий промолчал.

- Да ты не прячься от меня. Я никому. Да и в чем твоя вина? Что, родители враги народа?
- Нет.

– А чего стесняться тогда? Все знают, что казаков и после Гражданской войны ссылали, да и вождь наш – грузин – в долгу не остался. Это не значит, что они враги. Просто невзлюбили их. Понял?

Гриша, услышав эти слова, сжался, ему стало страшно. Как это он – такой сильный и правильный человек, назвал Сталина грузином. Причем, произнес это с такой ненавистью, что молодой боец прочувствовал злость командира.

– Все будет нормально, не переживай, – произнес капитан и, не оборачиваясь, пошел дальше по окопу к восстановленной солдатами землянке. Гриша смотрел ему в след и никак не мог отойти от услышанного. Постепенно все в голове выстроилось, и он понял, что этот человек действительно ничего и никого не боится. Многих это губило – язык и ненужная храбрость в высказываниях, но Киселев был другим. Он знал, где и когда нужно сказать то, о чем все думают, но бояться сказать. Он мог это сделать и мог смело смотреть в лицо смерти. Григорий глубоко вздохнул и посмотрел на ночное небо. Вокруг светящегося в темной бездне месяца обрисовывался странный затуманенный ореол.

– Возможно, – подумал Гриша, – этот туман и есть души погибших. Вон как их много! Они летят туда в своих грязных сереньких шинельках, оставляя здесь все: боль, страх, мысли, чувства, надежды. Теперь у них только одно – остаться там, в свете и быть принятым так, чтобы хоть там, никто не трогал.

Вдруг в окоп свалилось нечто непонятное в форме военного с огромной набитой чем-то мягким сумкой. Это непонятное создание встало на ноги, отряхнулось, и Гриша увидел под огромной каской курносый нос, детские губы и румяные мягенькие щечки.

- Ты кто? – спросил Гриша.
- Сансестра Березкина, – ответила симпатичная девочка. – Здесь что ли штаб?
- Здесь, – ответил Григорий, и тут же услышал голос комбата.
- Березкина, бегом ко мне!

Девчонка запуталась в шинели, но смогла как-то откинуть ее назад, схватила свою огромную сумку и побежала к Киселеву.

Последняя атака далась нелегко. С вечера тяжело раненых отвезли в передвижной госпиталь, убитых похоронили, а тех, кого лишь чуть зацепило, перебинтовали сами. И вот появилась Березкина, чтобы правильно обработать раны и перебинтовать тех, кто никак не желал лечиться. Комбат силой приказывал выполнять все указания этой девочки, но мужики все равно поступали по-своему: царапнуло, или кожу рассекло, так сразу в сторону отошел, помочился на рану и снова в бой. Но вот от таких незначительных ранений и начиналась страшные нагноения и гангрены. Было обидно попадать в госпиталь из-за царапины, которая почему-то распухала и начинала гноиться. Все терпели и старались не показывать мелких ранений, но Киселев был строг. Он повидал все это и заставлял бойцов следить за собой и докладывать о каждой царапине. Многие стеснялись, когда маленькая девочка, своими пухленькими пальчиками перебинтовывала их, но были и такие, кто показывал все синяки и царапины и готов был раздеться перед этой крошкой до нога и показать все свои достоинства. Одни смеялись, другие стеснялись, а Березкина четко знала свое дело. Бинтов не жалела, мази и йоду тоже. Сначала солдаты прозвали ее «Бинтик», но это прозвище не прижилось к ней. Бинт мужского рода и даже если его произносить с уменьшительно ласкательной интонацией, все равно, что-то не стыковалось. Но однажды старшина случайно спросил:

- А где эта «Пипетка?»

Ему ответили где, но прозвище тут же подхватили, и оно навсегда пристало к этой девочке. Наверное, ей, как и многим здесь, еще не было и восемнадцати, но упорство и настойчивость помогли ей прорваться на фронт, где она доказывала всем, что не зря пришла на передний край. Звали ее Юлей, но по имени к ней обращались редко: чаще по фамилии или прозвищу. А когда она, меняла присохшие бинты, или останавливала кровь, старалась с явно умирающим солдатом – ее называли Пипеточкой и так ласково и нежно, что казалось, этот человек все чувствует и любит только тебя. Ее оберегали все и помогали оттаскивать с поля боя тяжело раненых. Но однажды, она удивила всех, когда одна смогла вытащить из-под обстрела одного из ротных. Офицер не меньше сотни килограмм весил. Учитывая все воронки, и непроходимую грязь, это казалось невозможным, а она сделала, как будто, так и надо и даже удивлялась тому, что солдаты ее за это хвалили.

– Служба у меня такая. Вы воюйте, а я рядышком помогаю. Кому плохо или уж совсем – спрячу, чтоб жив остался, – отвечала она.

Пипетка со временем стала каким-то необыкновенным солнышком всего батальона. Она не просто радовала своим появлением, но и освещала и очищала уставшие солдатские души. Молодые бойцы несколько раз пытались угостить ее спиртом и потом порезвиться, но ничего у них не вышло. Те, кто знал, что такое ранение и чем может помочь эта девочка, обрубали у молодежи все желания. А двоим с Кавказа, старшина лично поставил два симметричных фонаря, за что был вызван в политотдел, но дело спустили, за него заступился комбат, а его не только уважали, но и почему-то побаивались даже старшие офицеры.

В эту ночь, когда Григорий дежурил в ДЗОТе, Юля быстро управилась со своей работой. Она взяла хлеб, несколько банок тушенки у старшины и пришла в ДЗОТ, где находился связист Михайлов. Он, конечно удивился, подумал, что из-за него, понравился ей. Но девочка пришла сюда совсем подругам соображениям. Во-первых, связь, а во-вторых – сухо. Она очень не любила сырость, а в эту ночь комбат запретил разжигать костры. Объяснил: «У немцев три миномета сюда смотрят, будут точно по кострам бить, а так неизвестно – ушли бойцы с высоты или залегли в окопах».

Юля ловко, маленьким ножиком открыла тушенку, отломил хлеб и стала ужинать за обе щеки. Григорий смотрел на нее и улыбался. Оттого как вкусно кушала эта девушка, он сам достал из вещмешка тушенку с хлебом и присоединился к компании.

Прожевав, Юля пошутила:

– Ты много в рот не клади, а то, как докладывать будешь, если связь сработает.

– А я и не кладу много, – шепелявя, ответил Гриша.

– Ага, я вижу, как ты по чуть-чуть уже все банку слопал.

– Люблю я тушенку, могу хоть ящик съесть. – Ящик нельзя живот заболит. А я тоже ее люблю. Только здесь в первый раз попробовала.

– А ты сама откуда?

– Из Москвы.

– Что прямо из самой Москвы?

– Ага, из самой.

– А Красная площадь близко от тебя?

– Полчаса.

– Врешь!

– Конечно, вру. А ты поверил?

– Не, ну правда, откуда?

– Да из Москвы, откуда же еще.

Девушка закончила свой ужин, завернула и спрятала в сумку хлеб, взяла с собой пустые консервы и, уходя, улыбаясь, посмотрела на Григория и произнесла:

– Счастливо оставаться боец-радист.

– Еще встретимся? – спросил Гриша.

– Не дай Бог! А увидеться сможем, – серьезно ответила девушка, поправила шинель и, протиснувшись со своей полной бинтов огромной сумкой в узкий проход ДЗОТа, растворилась в серпантине окопов.

– Смешная. А я, дурак, даже не представился. Ну, ничего, еще увидимся. Раз она в нашем батальоне, значит, вместе повоюем.

Григорий вышел из ДЗОТа и посмотрел на небо. Начинало светать. Зарев и канонада стихли, и лишь где-то далеко что-то глухо ухало, никак не желая успокаиваться. К штабу подошел комбат.

– Ляг, поспи хоть пару часов. Скоро снимемся отсюда. Немец ушел дальше к укрепрайону. Там они сейчас окапываются, а мы их и оттуда вышибем, а через пятьдесят километров начнется оборонительная система города-крепости Кенигсберга. Три рубежа плюс сама крепость в городе. Говорят, неприступная. Вот там дела и начнутся, а пока ложись спи. Следующий день чапать будем, грязь толочь. До этого укрепрайона еще добраться надо. Фрицы-то все на машинах, а мы за ними пехом.

– Да, удирать на машине легче, а вот догонять пешком сложнее, – согласился Гриша.

Комдив и он рассмеялись. Киселев сел у телефона, а Григорий, сел на ящики, достал из кармана листок и карандаш и решил написать письмо.

– Домой? – спросил капитан. – Да.

– Напиши матери, что воевал хорошо – комбат отметил.

– Напишу, – качнув головой, ответил Гриша. Он достал свой ножик, подточил карандаш и начал писать письмо.

В двух предложениях сообщил, куда и когда попал и задумался. Посмотрел на молчащий телефон, вспомнил бой и продолжил.

Он не стал рассказывать, что за люди оказались рядом и как погиб его первый боевой наставник. Гриша написал, что батальон нормальный и приняли его хорошо.

Спросил, как там они живут, но тут же вспомнил, что, конечно, голодают. Написал, что проявил себя в первом бою хорошо и закончил тем, что, как всегда, попросил передать привет всем близким людям: брату, друзьям и тем, кто его помнил. Спросил у комбата адрес и, указав его в письме, сообщил в какую воинскую часть писать ответ. Свернул листок треугольником, четко написал на нем домашний адрес и положил письмо в правый карман гимнастерки. Встал, поправил ящики. Лег на них, положил под голову вещмешок и, укрывшись шинелью, сразу уснул.

4. Дорога

Утром батальон построился у подножия высоты. Именно там, где еще вчера стояли немцы. Теперь их не было и отдельный штурмовой батальон готовился в дорогу, догонять тех, кто никак не хотел сдаваться. Казалось, что за четыре года войны фрицы заразились этой странной и необъяснимой русской чертой характера – несмотря ни на что стоять до последнего патрона.

Киселев рассказал бойцам о предстоящем переходе. Впереди стоял укрепрайон и первая линия обороны Кенигсберга. Она проходила далеко за чертой города – километрах в двадцати, но и перед ней еще в несколько километрах были нарыты окопы, построены ДЗОТы и доты, и находилось множество минных полей.

Старшина Савчук помог Григорию сложить в полуторку катушки и остальное имущество связиста и отправил машину на склад загружать своим батальонным скарбом. Они вышли на дорогу – навстречу новым боям и новой неизвестности.

Гриша шел, переминая своими аккуратными сапожками дорожную грязь. Сама дорога была сплошным месивом: по ней уже проехали САУ, танки и машины, да наверно прошла не

одна тысяча ног. Липкая грязь огромными лаптями висела на каждой ноге. Идти было трудно, люди, не успев начать движение, уже устали.

Григорий смотрел на дорогу и думал:

– По всей земле, где прошла война такие дороги. Они словно раны этой земли – шрамы, разжеванные ногами солдат, превратившиеся в длинные извилистые болота. И как только по ним машины ездят? А солдатики, и так уставшие вытаскивают их, чтобы они ехали вперед и везли боеприпасы, и тащили за собой пушки. Ведь там без всего этого нельзя. Что будет, если мы придем на передовую, а воевать нечем? Мы просто превратимся в беззащитные мишени. Такого допустить нельзя и вот приходится всем тащить и себя, и машины и все остальное, что нужно там – где нас ждет смерть. Ведь многие из тех, кто сейчас, так же как и я чапают в этой жиже – погибли, и никто ничего изменить не сможет: ни сегодня, ни завтра война не закончится. Она, конечно, доживает свои дни и все понимают, скоро войне конец, но когда наступит это «скоро».

Григорий посмотрел по сторонам и с удивлением и ужасом осознал, что из тех кого он знал в лицо, остались лишь командиры да старшина. Он стал пристальней вглядываться в глаза, в одежду, пытаясь хоть кого-то вспомнить, кто был с ним перед взятием высоты, но рядом двигались лишь незнакомые ему бойцы из других рот. Вдруг, в этой уставшей толпе шагающих друг за другом, он услышал знакомый голос – Фролов! Тот самый, что подшучивал над ним. Григорий не удержался и крикнул:

– Фролов ты что ли там голос подаешь?

Шагающий рядом коренастый солдат, лет сорока негромко ответил:

– Погиб Фролов. Это Юрик, черт его за ногу. Голоса у них похожи, он меня утром тоже напужал. Я-то видел, как Фролова из крупнокалиберного покрошило.

Мужик не стесняясь перекрестился и прошел чуть вперед, пытаясь обойти большую лужу.

Григорий посмотрел на его серое лицо и ничего не смог ответить. Был Фролов – шутил, а теперь его нет – лишь где-то там, на высоте его куски тела остались. Григорий тяжело вздохнул и в его сознании стали всплывать образы тех, кто погиб за эти дни. В душе появился страх: казалось, что все убитые сейчас стоят вдоль дороги и смотрят на них, оставшихся в живых. Он чувствовал их взгляды, а особенно глаза деда – его сухие, морщинистые с хитринкой, голубые глаза, которые всегда смотрели прямо в душу.

Все что происходило до этого прошло как-то странно – на одном дыхании и понять и осознать, что это было, не получалось. Но теперь в монотонном чавканье солдатских сапог мысли словно под барабанную дробь стали выстраиваться и Гриша стал не просто понимать, но и осознавать, то где он находится.

– Это Ад, в который война загнала свои жертвы! – думал он. – Здесь нет людей, здесь только машины: и живые, и железные – которые умеют только одно: убивать! Когда они умирают, о них сразу забывают. Нельзя помнить о погибших – с ума сойдешь. Этак я два дня провоевал, а уже в голове кошмары. А что будет через месяц? Может быть и ничего, – ответил он сам себе. – Возможно к тому времени меня уже не станет. Я погибну как сотни, тысячи других и никто даже не остановится – все пойдут дальше бить врага. Наверное, после войны все эти воспоминания не уйдут и не растают как снег. Те, кто будут жить после нас, вспомнят о каждом и скажут спасибо за то, что мы вот так через силу прошли через всю эту грязь.

Все вокруг показалось каким-то мрачным и страшным, тени убитых метались между тех, кто еще шел по этой земле. Покрасневшие листья кленов одиноко стоявших вдоль дороги были такими же мрачными, как и все остальное. Их краснота напоминала пролитую на этой земле кровь. А небо: тусклое, серое, тяжелое висело над этим миром, и хотело упасть и раздавить всех тех, кто еще был жив. Непонятно, как вся эта тяжесть держалась над нами. Там, в облаках, таких же серых виднелся черный дым еще не разогнанный ветром. А мы шли! Усталость

превратилась во что-то больное, живущее внутри каждого. Вся она объединилась и окутала шагающих вперед людей.

Кто-то в строю не выдержал и с шуткой крикнул:

– Все! Ща сяду в это говно и застрелюсь!

– Давай, – кто-то ответил ему. – Только смотри, все уставшие никто перешагивать не станет. Будут идти по тебе.

– Не, по мне шагать не надо. Лучше я поползу.

– А по ползущему шагать можно? – в шутку спросил тот же мужик, что знал Фролова.

– И по ползущему нельзя! – заорал солдат и сам засмеялся.

Этот смех прокатился по строю и казалось, придал силы, прогнал тяжесть и усталость и все заулыбались, видя как через силу кряхтит, но идет самый уставший.

Толпа бредущих людей, как единый организм, тяжело вздохнула и, выдохнув усталость, открыла второе дыхание. Бойцы подравнялись, разом приободрились. А тут еще и «Пипетка» прискакала. Она, широко шагая и пачкая всех отлетающей от ее сапог грязью, шла быстрее всех и обгоняла уставших мужчин.

Глядя на нее многие воспаряли духом: как это сопливая девчонка шагает, не чувствуя усталости, а они раскисли! Те, кто действительно уже не мог перебирать ноги, стали шутить ей вслед.

– Пипетка, на прицеп возьми! – крикнул пожилой солдат.

– Я только раненым помогаю, – ответила санитарка.

– А мы ему поможем, – крикнул кто-то из строя, – задницу сейчас прострелим.

– Ну хватит дурака валять! Скоро привал! – грозно скомандовала девушка.

– Мы до него не дотянем! Сейчас будем все дураки и будем все в одной каше валяться! – крикнул голос похожий на погибшего Фролова.

– Ладно хлопцы, хорош, – почти шепотом произнес старшина. Все остановились. Он посмотрел на бойцов и скомандовал: «Привал». Только далеко не разбредаться.

К нему подошел недавно прибывший лейтенант Симоха – замполит батальона.

– Как привал! Ты как посмел! Да я тебя! – заорал он.

– Слышь пацан, ты не бузи! Глянь, как народ измучен! Мы что военнопленные?

– Нет.

– Ну тогда заботьтесь о личном составе, товарищ лейтенант. Ща, на какой забредший отряд фрицев нарвемся, один что ли воевать станешь? Народ не в силах оружие держать, а ты его по этому болоту гонишь!

Обстановку разрядил комбат.

– Привал, – повторил он команду старшины. Лейтенант Симоха еще минуту стоял с открытым ртом не зная, что сказать. Но резко собрался и обратился к Киселеву:

– Товарищ капитан, у нас же приказ – дойти до населенного пункта к 20:00!

– Дойдем, – грубо ответил комбат и устало побрел к ближайшему дереву, чтобы присесть на оставшийся сухим около него клочок пожелтевшей травы.

Гриша пристроился под кустом, нашел палку и стал соскребать прилипшую к сапогам грязь. Очищенные, ноги словно стали невесомыми: он встал и глубоко вдохнул прохладный осенний воздух. Посмотрел вокруг и мир показался ему уже не таким мрачным. Он снова сел на траву, развязал вещмешок, достал хлеб, банку тушенки и принялся есть.

– Ну что, тушеночник? Опять обжираться, – услышал он голос санитарки Юли.

– Ага. Как всегда наесться не могу.

– Я тоже не могу привыкнуть. Вот наемся, а все равно кушать хочется, – согласилась с ним девушка.

Гриша посмотрел на нее и понял, что эта девчонка, как и он тоже знает, что такое голод.

Они сидели рядом и, ничего не говоря, уплетали тушенку. Расправившись каждый со своей банкой, развалились рядом, как старые знакомые и стали смотреть на небо.

Ветер разогнал серые облака, черные тучи и остатки дыма. Выглянуло солнце и осветило не только землю, но и их, довольных и сытых.

– А ты вообще ничего парень. Не пристаешь и не намекаешь, как другие, – произнесла девушка, продолжая смотреть на небо.

– Да я сюда вообще-то не за этим пришел.

– Все мы тут за одним и тем же. Дожить бы и встретиться на Красной площади после войны. Был хоть раз в Москве?

– Нет.

– Ну ничего, еще побываешь, – с какой-то детской уверенностью произнесла Юля.

Она встала, отряхнулась, и Григорий впервые смог толком рассмотреть ее. Нет. Она была не в его вкусе. Эти огромные, висящие галифе, наверное, меньшего размера не нашлось, шинель, закатанная за ремень и курносый детский носик. Юля посмотрела на Гришу и он увидел ее глаза: огромные карие глаза, которые показались ему симпатичными и смешными. Какими-то игрушечными – как у куклы.

– Ну ладно, я пошла, – произнесла девушка и, закинув на плечо свою огромную сумку, побежала к дороге.

– Нет, она не в моем вкусе, – подумал Григорий. – Вот та – лейтенант из роты связи – радистка Лена – вот это женщина. Сапожки начищены – блестят, юбочка, гимнастерка, на пышных волосах пилотка наискосочек. А ножки какие! Коленки кругленькие и глазищи. Вот у нее глаза, так глаза, за такие глаза можно все отдать. Вот так прижался бы к ней и не отпускал. Она вся такая нежная словно нарисованная. На нее смотреть можно сутками. А как воинскую честь отдала! Грудь вперед – чуть-чуть колыхнулась и тонкие пальчики ровно к виску: «Командир взвода Титова!» И все тут! Вот бы с ней потанцевать! Взять такую женщину за талию? Да лучше на фрицев в рукопашную – проще, чем с ней пару раз под музыку шагнуть. Она ж женщина, да какая! А эта – чума курносая. Ничего, говорит, ты, не пристаешь как другие. Тоже мне сравнила. С ней если только во дворе в прятки играть, или истории страшные у костра рассказывать. Ну понятно – маленькая еще. Маленькая, не маленькая, а, сколько народу спасла. Комбат говорил, что она с ними уже четыре месяца. Надо же повоевала, насмотрелась всякого. Мужики ее уважают и любят – есть за что. А так ребенок еще, в такую влюбиться смешно, но дружить с ней можно – веселая она и, по-моему, очень честная. Такую девчонку я и сам бы уважал. А то какие-то тифозные, несчастные, голодные. А эта вся горит! Молодец! Но лейтенант Лена Титова – это мечта. Интересно у нее губы свои или она их так нарисовала. Наверное, свои. Краситься здесь не разрешают. Хорошо, что им прически можно носить, хоть какая-то радость увидеть что-то приятное.

Радужные мысли оборвал голос старшины:

– Строиться!

Все вновь встали в грязь, выравнивая шеренги, чтобы, как положено, строем, дойти к 20:00 к назначенному населенному пункту.

Батальон построился, солнце в небе разыгралось и все отдохнув и поев, с шутками продолжили месить это бесконечное месиво, словно со всего света собранное на дороге.

Кто-то кричал: «Ну вот, теперь и воевать можно, – а кто-то смеялся: Да теперь все фрицы разбегутся, увидев наши животы!»

Гриша тоже шел, как и все. И эта тяжелая грязь ломтями прилипающая к сапогам, казалась уже не такой тяжелой и вязкой. Оставалось только вовремя дойти, чтобы выполнить поставленный приказ.

– Все-таки настроение важная штука! – подумал он. – Вот с утра ушли с высоты, все, конечно, мало спали, и я тоже на этих ящиках замучился: до сих пор спина болит, но вот

вышли на дорогу – вся усталость и недосыпание проявились. А стоило всего час повалиться на траве, даже не спать, а просто на мгновение оказаться в состоянии покоя, и сразу – словно заново родился!

Григорий шел и улыбался. Смеялись и остальные бойцы по-прежнему мешая сапогами грязь. Но Война и ее дороги дело особенное.

– Нужно привыкать много и часто ходить, – вспомнил Гриша слова учителя из Ташкентской школы. – Ничего привыкну.

Дорога продолжала петлять. Небольшая передышка конечно придала силы, но фронтовая дорога, будто нечто живое, высасывала бойцов. Шагать становилось все труднее, монотонность возвращалась. Шутить и смеяться солдаты вскоре перестали и вернулось уже знакомое чваканье этой нескончаемой грязи. Нет, иногда получалось идти по уцелевшей обочине и стряхивать с сапог прилипшую грязь, но в основном никакой обочины не было. Промежуток земли, называемый дорогой, был разбит техникой и сапогами солдат. Григорий снова задумался:

– Интересно, сколько человек прошли здесь за годы войны? Наверное, не очень-то и много, – ответил он сам себе. Эта дорога была не главной и не стратегической, а так, обходной от одного населенного пункта к укрепрайону. Сначала фрицы по ней шагали, теперь вот они...

Постепенно начало смеркаться. Время подгоняло. Все понимали, что хоть и хочется отдохнуть, но нельзя. Нужно успеть в назначенное место вовремя.

– Наверняка, от этой точности что-то зависело. Какие-то действия, передвижение всей армии и вот эти маленькие населенные пункты были не просто точками на карте, а метками того пути по которому предстояло идти нашей армии. И эту очередную метку нужно было преодолеть вовремя. Именно оттуда доложить о прибытии, или взятии и ждать дальнейших указаний. А время и ночь не знали о планах генералов и их стратегии. Они сами по себе ступали на эту землю, не желая выручать уставших солдат.

Примерно через час, когда сумерки окутали небо и редкий кустарник, кто-то закричал: «Батальон, стой!»

Народ в первых рядах заволновался, загалдел.

– Похоже, разведку вперед послали, – произнес сутулый, все время кашляющий солдат.

– Что немцы? – с удивлением спросил Григорий.

– Не, населенный пункт. Пришли. Сейчас разведка проверит, что там, и мы за ними пойдем, – ответил солдат.

– Так надо найти комбата! – подумал Григорий. – Нужно наладить связь.

Григорий снял с плеча недавно полученную переносную рацию, щелкнул выключателем, накинул на шею наушники и побежал вперед. Около двух сломанных деревьев он увидел Киселева с остальными офицерами. Подбежал к ним и громко спросил:

– Связаться со штабом дивизии?

– Да погоди, ты! – ответил комбат.

Он внимательно смотрел вперед, где ничего не напоминало о населенном пункте. Дорога своей грязью разрезала на две части черное распаханное поле, по которому было еще труднее идти и лишь где-то вдалеке еле заметно светились несколько огоньков.

– Выключи рацию, не торопись, – произнес капитан продолжая смотреть в наступающую темноту.

– Наши пришли! – крикнул кто-то со стороны.

К комбату подбежали два солдата и о чем-то стали говорить. Григорий отошел в сторону, но несколько фраз уловил. Населенный пункт оказался небольшой сгоревшей деревушкой. Три или четыре дома. Немцы еще утром были здесь и, по показаниям разведчиков, заминировали не только дорогу к полю, но и оставшиеся полусгоревшие сараи.

Обходить – можно попасть на минное поле, по дороге нельзя, а минеры будут до утра ковыряться, пока разминируют эту грязь и сараи.

– Будем ждать. Старшина!

– Да, тут я, товарищ капитан.

– Пока остановимся здесь. Разверни полевую кухню, пусть все отдыхают. А командирам рот выставить караулы. Все! Привал! А Спицу-синицу ко мне!

Через минуту перед комбатом вырос небольшой паренек с кривой ухмылкой на лице – батальонный минер Спицын. Григорию показалось это странным, но один из ротных, увидев его недовольный вид, объяснил:

– Ты, связь, не думай. Это осколок ему такую улыбку нарисовал. Война она ведь тоже смеяться умеет. Видал, как улыбнулась?

– Видал.

Григорий еще раз посмотрел на минера и по его спине прошел холодный пот. Он ужаснулся, увидев это серьезное и одновременно улыбающееся кривое лицо. Он отошел в сторону, пытаясь спрятать от остальных свой страх. Но в наступившей темноте и напряженной обстановке на него никто и не посмотрел. Все внимание было приковано к комбату, его словам и приказам. Как, откуда начать, что проверить в первую очередь и кого взять из бойцов.

Молодых минеров решили не брать. Ночь, скользкая грязь, тут и опытный промашку дать сможет, а молодые тем более. На дорогу ушли трое: те, кого комбат знал лично и был уверен в каждом. Когда-то минеров было двадцать пять, а сейчас осталось трое. Немцы с каждым разом все хитрее и хитрее ставили мины. А наши мужики попадались, особенно когда одну мину над другой ставили. Верхнюю разминировал, снял, а под ней вторая сработала. И таких «шутков» у немцев было припасено много. Особенно на разбитых дорогах и больших домах, где можно разместить личный состав.

– Включайся, – повернувшись к Григорию строго произнес комбат.

Гриша включил рацию, поправил антенну и стал ловить позывные.

– Орел, Орел, я Седьмой. Ответь. Орел, я Седьмой – ответь.

В наушниках закрипело, и Гриша услышал ответ:

– Седьмой, я Орел, Третий на связи.

Григорий сразу узнал голос лейтенанта Титовой, сердце екнуло. Он молниеносно вспомнил сапожки, коленочки, пилоточку и дрогнувшую под гимнастеркой грудь, но вида не подал.

– Товарищ капитан, Третий на связи.

Комбат схватил наушники с микрофоном и доложил:

– Завис на подходе. Все заминировано. Думаю, к утру пройдем.

Почти минуту молчал, слушал и в конце произнес: «Есть!»

Комбат отдал Григорию наушники, встал, расправил плечи, потянулся и громко гаркнул, видимо со злости: «Отбой!» Посмотрел на испуганного радиста и улыбнулся.

Старшина куда-то убежал. Около полуторки задымилась кухня и солдаты забыв об усталости снова начали шутить и смеяться. Где-то совсем рядом прозвенел голосок Березкиной: она, как и прежде пыталась перевязать тех, кто не очень-то хотел этого. Батальон расслабился, Григорий увидел как Жопомордин выставляет караульные посты и, выдохнув страх о котором он на мгновение забыл, посмотрел на минеров, аккуратно ступающих по дороге, успокоился и, решил устроиться возле небольшого куста. Утоптал грязь, принес сухих листьев и уже на них бросил шинель.

– Товарищ капитан, костры разжигать можно? – спросил он.

– Можно. Ты здесь, что ли, будешь, чтоб я знал?

– Да.

– Ну ладно, будь. Если понадобится, пришло за тобой. А я у машины со старшиной.

Понял?

– Так точно!

– За «боевыми» подходи. Тебе положено.

- Есть!
- Каждый час выходи на связь.
- Есть!
- Да что ты заладил, есть, да есть. Выполняй.
- Понял.

Киселев резко повернулся и пошел к полуторке, а Григорий собрал сухих веток, разложил их елочкой, но разжигать не стал. Сбегал за «боевыми», принес, все аккуратно расставил и тут понял, что он один.

– Да одному как-то не пьется, – произнес вслух солдат. Он посмотрел по сторонам и увидел спешащую Березкину.

– Эй, «Пипетка», на секундочку.

Девушка подошла, из-под лба, насупившись посмотрела обиженным взглядом и со злостью выдавила из себя:

- Меня Юля зовут.
- Ну извини. Я думал ты на это не обижаешься.
- На стариков нет, а от тебя не ожидала.
- Все, забыли. Я этого слова больше не знаю. Составь компанию, а то, под тушеночку что-то одному не пьется.
- Давай. Меня этим не удивишь. Повоюешь, привыкнешь пить один.
- Не знаю, может быть.
- Может, может. Пьют-то, чтоб страх приглушить, а не в компании повеселиться.
- Ну сейчас-то, вроде нечего бояться.
- Боятся всегда есть чего. Просто сейчас тихо.

Девушка скинула сумку, села на нее и, достав свой котелок, разлила Гришин спирт на две почти одинаковые части. Ему оставила побольше. Они молча выпили, закусили тушенкой. Сам собой начался разговор.

Григорий смотрел на проступившие в небе звезды и смеялся. Уставшее тело, получив дозу алкоголя, сразу расслабилось. Рядом сидела Юля и, подбрасывая дрова, о чем-то рассказывала. Юноша внимательно смотрел на нее, сидя по-турецки, скрестив ноги, и упираясь в подбородок рукой, но ничего не слышал. Перед ним стояло видение: лейтенант Титова в тот момент, когда она козыряла и ее грудь вздрагивала под гимнастеркой. А еще коленки и ровненькие бархатные ножки.

Юля тоже опьянела, она размахивала руками, вставала, ходила вокруг костра, делая огромные шаги, что-то показывала в небе, но Григорий так и не сумел ничего разобрать.

Потом она куда-то убежала и, вернувшись, принесла два котелка горячей каши. Почувствовав вкусный запах, Гриша немного пришел в себя, достал ложку и с наслаждением принялся за эту волшебную еду. А такой сказочной и вкусной она была не только потому, что повар приготовил ее с душой, а потому, что она была горячей. Горячая каша вернула молодого бойца в более-менее нормальное состояние и он, включив рацию, доложил дежурной связистке из штаба дивизии о том, что у них все спокойно.

5. Таня

Ночь продолжала плыть, словно река. Ее темное течение посветлело, стало прозрачным. Наступало утро. Григорий спал в наушниках, но рация при этом была отключена. Юля натаскала откуда-то соломы, разложила ее, и на ней, укрывшись шинелью, уместилась как дюймовочка в цветке. Из-под грубой, огромной шинели торчал и сопел лишь ее курносый нос.

Ночная река утекала, и ее плавно и незаметно сменяло чистое голубое море-небо. На рассвете Гриша увидел сон: дед-связист с суровым лицом смотрел на него из этого светлеющего неба. Он требовал что-то сделать, но при этом молчал. Его глаза кричали – проснись! Гриша дернулся во сне и проснулся, чувствуя на спине холодный пот.

Осеннее утро пробирало зябкостью. Он быстро набросал веток в тлеющие угли и вскоре согрелся у разгоревшегося огня. Вспомнился сон – и ему стало плохо, даже замутило:

– Неужели этот дед так и будет преследовать меня? – подумал он. Но потом успокоился, решив, что эти кошмары от непривычно большой дозы спиртного, принятой накануне. Старшина не пожалел, плеснул полкотелка, да и у Юльки, как у сансестры, что-то было в заначке.

Он накинул на плечи шинель, и пытался вспомнить, что происходило вчера, у костра.

– Вроде бы ничего особенного, – решил он. И вновь вернулось лицо Петровича. Гриша опять почувствовал тяжесть в душе. – Чего хотел этот дед, зачем снился? – ругал он погибшего старика, но, увидев рацию, тут же вспомнил, что не докладывал всю ночь – проспал. А комбат приказал через каждые два часа выходить на связь.

Схватив наушники, он тут же включил рацию и стал вызывать штаб.

– Орел! Орел! Я Седьмой! Ответь!

В наушниках послышался треск, и сонный голос девушки ответил:

– Орел слушает.

– Я Седьмой, у нас все спокойно! – отрапортовал он.

– Что ж ты так кричишь? Проспал? – спросил голос в наушниках.

Григорий замолчал. Он не знал, стоит ли отвечать простой радистке, или может, он попал на офицера связи?

– Да, ладно успокойся. Я тоже вздремнула, – смеясь, произнесла девушка.

Ее голос проснулся и она, уже не зевая, спросила:

– У вас как там, холодно?

– Да, но я у костра сижу, согрелся.

– Молодец. Ну что, до связи – или поболтаем? Все равно ведь проснулись?

– А нас не накажут?

– А кто услышит-то? Или узнает?

– Да некому, если только фрицы, – пошутил солдат.

– Они пусть слушают.

Услышав знакомые интонации голоса, Григорий понял, что на том конце их невидимой связи лейтенант Титова. Он даже приосанился, расправив плечи. В голове слегка зашумело и напомнило то, что было ночью.

– Тебя как звать? – спросила радистка.

– Григорий. А вас Лена? Лена Титова? Извините, лейтенант Титова?

Минуту рация молчала, Григорий лишь слышал ее дыхание, но ответ все же последовал:

– Нет, я Таня.

– Таня? А я вас видел?

– А ты когда прибыл?

– Три дня назад.

– Вряд ли. А что, тебе Титова понравилась?

Григорий решил, что это она сама его разыгрывает от скуки, но, услышав последующие слова, решил, что ошибается.

– Ты не думай, я тебя не разыгрываю. А голоса у многих женщин похожи, особенно в наших рациях. На немецкой, трофейной, работал?

– Нет.

– Вот на ней за сто километров чистота, кажется, будто рядом сидишь и разговариваешь. Все ловит.

– Да наши тоже вроде ничего.

– Нормальные, и починить их можно, не то, что эти – немецкие.

– Ага, – согласился Григорий и, привстав, подбросил в огонь последние две, найденные с вечера, сухие доски.

– А что Титова, я, между прочим, не хуже. И рост такой же и волосы и все остальное, – решительно произнесла девушка.

– Значит, вы красивая. А я обыкновенный, только с учебки из Ташкента.

– Сколько тебе лет?

– В феврале восемнадцать исполнилось.

– Ну, ты уже взрослый, значит и о любви поговорить можно?

– Можно, только что о ней говорить?

– Как что? Тебе Титова понравилась? Признайся честно?

– Конечно. Она всем нравится.

– А не так как всем, по особенному, понравилась?

Гриша тяжело вздохнул, и это было услышано на другом конце связи.

– Можешь не отвечать, – произнесла девушка, и в ее голосе Гриша услышал смех.

– А что вы смеетесь? Где я мог такую увидеть или встретить? В Ташкенте? Там все или под паранджой, или старые да больные.

– Так ты что – еще ни разу, ни с кем, – девушка на мгновение замолчала, – не встречался?

– Нет. И если вам интересно, даже не дотрагивался.

– А где ж ты жил?

– Сначала в степи, среди казахов, под Павлодаром, потом в интернате, там все девочки отдельно от нас были. Мы их только издалека видели.

– А когда ты говоришь, прибыл?

– Три дня назад.

– Уже воевал?

– Да. Сначала высоту брали, потом сутки ее удерживали, – с гордостью ответил солдат, – А что вы думали, я сопляк?

– Да ты не злись. Я тебя понимаю. Я тоже одна.

– Если вы такая красивая, как Титова, и если вы мне не врете об этом, то я вам не верю. Не может такая девушка быть одна.

– Эх, солдатик, мне двадцать два. Я уже год на фронте. Поверь – может, – с грустью ответила Таня. Григорий даже почувствовал, что она заплакала.

– Успокойтесь, пожалуйста. Я не хотел вас обидеть.

– Да что ты все «Вас», да «Вас». Просто Таня и все!

– Хорошо.

Несколько минут они сидели и слушали в наушниках дыхание друг друга. Рядом с Григорием потрескивал костер и сопела Юлька. Она наполовину скинула с себя шинель, согретьшись от теплоты костра. А там, в штабе, за столом сидела Таня. Рядом на буржуйке дымился чайник. Он давно закипел, но она никак не могла встать и снять его.

– Я сейчас, не отключайся, – произнесла Таня. Она все же сняла наушники, взяла тряпку и сняла с печки чайник. Хотела заварить чаю, но передумала. Поставила чайник на пол и вернулась к рации.

– Ты где?

– Я здесь, – ответил Гриша.

– Значит, повоевать успел?

– Ага.

– Послушай, «Ага», хочешь встретиться?

– С вами, то есть с тобой?

– Нет с лейтенантом Титовой, – съязвила девушка и добавила, – конечно со мной.

– Спрашиваете!

– А ты смелый? Тайну хранить умеешь?

– Не волнуйтесь, ся, извини. Я никак на «Ты» перейти не могу. Знай, я в интернате жил. И за болтовню сам многих наказывал. А знаете, что такое интернат, где все как волки, все голодные.

– Представляю.

– Вряд ли. Не дай Бог кому такое пережить, особенно в детстве.

– Хорошо, значит, тебе можно доверять. Только ты не подумай ничего. Да, конечно, многие девчонки на фронте хороших ребят жалеют и встречаются с ними, потому, что понимают, что этот день может быть последним у них. Я не такая. Но у меня тоже и тайна, и проблема есть.

– Это еще что?

– Да не что, а кто? Увязался один полковник, ухаживает, а я от него бегаю. Если он кого со мной увидит, может запросто в штрафбат отправить. Придумает за что, у него это хорошо получается.

– Ну вот, а говорите одна. Я же говорил – врите.

– Дурак! Я с ним никак и даже прячусь. Специально ночью дежурю, чтобы днем спать.

Доверилась тебе, а ты...

– Да, нет, что ты. Я же не знаю как оно там у вас. Ты одно говоришь, а он может быть любит тебя.

– У него жена и двое детей. Знаешь, зачем я ему нужна?

– Догадываюсь, слышал о фронтовых подругах.

– Я не такая! Еще раз повторяю! Что, испугался полковника?

– Нет. Я готов встретиться и очень даже хочу этого. У тебя Таня красивый голос, как...

– Ну, знаю, как у лейтенанта Титовой. Проехали, я не обиделась.

– Извини, я все никак не могу привыкнуть.

– А где встретимся-то? Я в поле, ты в штабе. Между нами расстояние огромное.

– Ничего, завтра. Вы в деревню войдете, а мы следом. Там вроде штаб планируют. Следующей ночью на два деления влево волну сбей, и мы с тобой свяжемся. Договорились?

– Да, конечно!

– Ну все, тогда до завтра. Я до двух ночи дежурю. Начиная с двенадцати, каждые полчаса без одной минуты я проверять буду. Выходи на связь. Все, тут офицеры пришли.

В наушниках раздался щелчок, Григорий посмотрел на часы, понял, что прошло два часа. Решил подождать десять минут и, как положено, выйти на связь, доложить в штаб об обстановке.

Костер постепенно догорал. Нужно было идти искать дрова, но наступившее прохладное утро радовало Григория свежестью и свободой. Он почувствовал, что в нем что-то родилось и это что-то шевелилось в душе и рождало волнение.

Доложив об обстановке, Гриша разбудил Березкину. Он совсем забыл, что эта девочка спит рядом. Перед этим, в отмеренные после разговора с Таней десять минут, он смотрел на нее и думал:

– Вот рядом девчонка. Нормальная, даже симпатичная. Можно, пока она спит, дотронуться до ее волос, лица, узнать, почувствовать, что это такое. Но Юлька была другим человеком. Она не воспринималась как женщина, скорее как друг, мальчишка-сорванец, сбежавший на фронт. Эта девушка еще не обрела свою женственность. Каждый день видя мучения и боль, пачкаясь кровью, она забывала о себе. Она не думала о прическе, одежде и о том, что может кому-то понравиться. В ее голове, жила одна единственная мысль – помочь тем, кто гибнет рядом, спасти, вытащить с поля боя и в этом отношении она стала взрослой и сильной. В ней родилось что-то мужское, несгибаемое, и оно затмило всю ее девичью красоту.

– Ты давно проснулся? – спросила она, ворочаясь под шинелью, пытаясь спасти под ней остатки тепла.

– Давно.

– Доложил?

– Да.

– Наверно, можно еще поспать?

– Да, спи конечно, если что, я разбужу.

– Хорошо, – ответила Юля и еще сильнее укуталась под грубой шинелью.

Гриша встал, все же решив собрать дров и разжечь костер, чтобы этому человеку, что спал рядом, стало теплее.

Он дошел до опавшего кустарника и увидел рядом ящик из-под снарядов. Разломал его на месте, чтобы не стучать у костра. Вернулся, раздул тлеющие угли, бросил в них доски от ящика и сел рядом с рацией.

Где-то там, далеко в штабе была она, та, что сегодня на рассвете вот так запросто поверила в него. Гриша представлял Таню по-разному: высокой, стройной, но все время перед глазами вставал один и тот же образ лейтенанта Титовой.

Он смотрел на разгорающееся пламя и одновременно с ним чувствовал, что такой же огонь рождается в нем, в его чистой не знающей любовной боли и обид душе. Он мечтал, представлял как обнимет ее, поцелует, постарается быть нежным. Еще в ташкентской школе связи он с ребятами, такими же пацанами часто мечтал именно об этом. И вот оно случилось. Но произошло все как-то странно: Гриша ее не видел, она его тоже, что за Таня? Кто такая? Много разных, ненужных и пугающих вопросов возникало в его голове, и он все списывал на странность того, что происходило вокруг. Война, видимо, пожелала дать ему такую награду, а может, решила поиздеваться – дать шанс, почувствовать, что такое любовь перед тем, как отнять и ее и, быть может, саму жизнь.

– Наверно, поэтому девчонки на фронте такие сговорчивые. Гибнут ребята, даже не успевая обсудить с друзьями, как оно произошло и чем закончилось, – думал он.

Рассвет в небе сменился ярким восходом. Солнце купалось, разбрызгивая свои лучи по облакам. Гриша посмотрел на часы и не заметил, как пролетело время. Он решил еще раз связаться со штабом. Доложил об обстановке и неожиданно для себя спросил у радистки с тоненьким голоском, где Таня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.